

Елена Қочешқова

16+

ШҮТ
Книга I

Елена Кочешкова

Шут. Книга I

«Автор»

2010

Кочешкова Е. А.

Шут. Книга I / Е. А. Кочешкова — «Автор», 2010

Он умеет жонглировать, делать сальто и смеяться над собой. Умеет хранить верность тому, кого любит. И еще - видеть невидимое. Он - шут при дворе короля, дерзкий, загадочный и одинокий. Когда ужасное проклятье настигнет монарха, именно шут, безобидный чудака с бубенцами, окажется тем человеком, который попытается спасти своего лучшего друга от безумия, а королеву - от предательства.

© Кочешкова Е. А., 2010

© Автор, 2010

Содержание

Часть первая. Конец лета	5
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Елена Кочешкова

Шут. Книга I

Часть первая. Конец лета

1

«Худо мне... – подумал Шут, пытаясь поднять тяжелую голову, – ох, худо...»

На том месте, где только что лежала его щека, примятая подушка оказалась такой горячей, что впору бежать за лекарем, благо их при дворе хватало. Но бегать-то Шут как раз и не мог: он уже третий день почти не вставал с постели. Вокруг потемневшей от старости дубовой кровати, укрытой под складками балдахина, повсюду валялись сопливые тряпки да корки от апельсинов, которыми Шут пытался отогнать простуду.

В сумеречном утреннем свете, едва проникающем через полузадернутые портьеры, его лицо больше походило на маску для карнавала чудищ, который так любит городская ребятня. Эта пугающая маска отражалась в большом зеркале напротив, когда Шут пытался привстать и ослабевшими руками хватался за бутылку с вином. В последний раз у него не хватило сил поставить ее на столик у изголовья, и, кое-как закрытая, она закатилась под кровать.

Под одеялом было жарко, а без него – холодно: спасаясь от озноба, Шут натянул липкую, уже насквозь мокрую простыню. Небрежно накрывшая его грудь, она то поднималась, то опала в такт неровному дыханию. Случись какой-нибудь из фрейлин оказаться в этой комнате, она наверняка бы трагично заявила, что глядеть на господина Патрика без слез невозможно. Однако в его покои девицы никогда не ходили, потому и плакать над ним было некому.

Впрочем, Шут, которому едва сравнялось два десятка лет, помирать вовсе не собирался. Вот только простыни с каждым часом становились все горячее, и все трудней было поднимать налитые жаром веки, не говоря уже о том, чтобы попытаться встать. А сигнальная веревочка для слуг оборвалась еще вчера, когда он попробовал ее дернуть.

Услышав робкий стук, Шут, словно со дна омута, медленно выплыл в реальность.

– Войдите... – Он не был уверен, что этот хрип можно расслышать, однако крепкая дубовая дверь медленно со скрипом отворилась.

«Служанка, наверное», – подумал Шут, но повел себя так, точно к нему в гости пожаловал долгожданный друг. Сделав вид, будто злой недуг – лишь часть какой-то новой роли, он отнял тяжелую голову от подушки и нашел в себе силы улыбнуться. И даже приветливо помахал вялой ладошкой девчонке, которая действительно оказалась служанкой – худенькой, невзрачной и испуганной.

Напрасные усилия.

Девушка, одетая, как и все горничные, в скромное серое платье с белым передником, смотрела на него загнутой мышью и, похоже, готова была выскочить обратно за дверь в любой миг. Едва взглянув на ее личико, обрамленное рюшами чепца, Шут догадался, что по своей воле она никогда бы не зашла к нему в комнату. Вероятно, таково было поручение старшей горничной, которая, несмотря на все его протесты, периодически пыталась бороться с беспорядком в этих покоях.

«Вот она, твоя репутация», – подумал Шут, когда служаночка боком скользнула в дальний от кровати угол и суетливо стала сгребать в корзинку все то, что, по ее мнению, подлежало выбросу. Бутылки из-под вина, огрызки, корки... По мере приближения к источнику беспорядка движения девушки становились все более неловкими и все чаще она роняла сопливые тряпицы мимо корзинки. Девчонка в первый раз оказалась в этой странной комнате, где полу-

мрак таил разные непонятные предметы и было совсем мало подобающей господам мебели – лишь высокая кровать под тяжелым багровым балдахинном, громоздкий платяной шкаф, сундук да пошарпанный стол с парой кресел из разных наборов. Ни вам парчовых драпировок и дорогих ковров, ни изысканных украшений вроде ваз и шкатулок. Ни единого предмета, ука-зывающего на то, что спальня принадлежит человеку, отмеченному милостью короля. Шуту, с малых лет привыкшему жить в аскетических условиях, здесь было вполне комфортно. А вот служанке, судя по всему, нет: она господские покои привыкла видеть совсем иными – без разбросанных по полу деревянных колец, бутафорских игрушек и прочего реквизита для выступлений. И, уж конечно, без высокой перекладины, свисающей с потолка на веревках в самом центре комнаты. Зато напротив кровати имелось большое зеркало, какое не у всякой знатной дамы сыщется, а подле него – богатейший набор красок для лица. Это самое зеркало, видимое из любого угла комнаты и совершенно необходимое Шуту для работы, теперь весьма правдиво являло малоприятную действительность – его собственную физиономию. Неудивительно, что служанка испугалась странного господина с растрепанными волосами и лихорадочным блеском в глазах.

Да еще эта его дурная слава безжалостного похитителя сердец...

Шуту и в самом деле было худо. Совсем худо. А от взгляда на скованную нелепыми стра-хами служанку ему становилось еще и грустно. Девчонка вполне могла бы понять, что после нескольких дней борьбы с простудой у господина уже не осталось сил на такие фокусы, как соблазнение невинных девиц. Он даже пошутить сейчас толком не сумел бы – ужасно болело горло. Но горничная об этом не догадывалась: исходящая от нее тревога была почти осязаема.

Дурочка. Наслушалась о нем страшилок от других служанок.

Шут понял, что никакого общения не получится, и уже хотел сказать девчонке, чтоб позвала лекаря, но голова вдруг пошла кругом, и он устало откинулся обратно на подушки, закрыв глаза. Едва слышная мышьяная возня горничной осталась где-то за гранью полудремы: Шут вспомнил вдруг, как годы назад так же валялся полудохлый... Только не в постели, а в грязном хлеву – невымытый, оборванный, голодный. Тихо умирал от лихорадки. Кто его вытащил тогда? Почему оставил вонючего бродяжку под дворцовыми воротами?

Едва ли ему суждено узнать это хоть когда-нибудь.

Вскоре Шуту опять стало жарко. Он выпростал из-под одеяла руку и, свесив ее с высокой кровати, попытался нащупать бутылку с вином. Пальцы слепо шарили в пустоте. Шорох стих.

– Да где же ты?! – Шут отбросил одеяло и перегнулся через край постели. Бутылки не было. Зато была покрасневшая от смущения девица, которая столбом застыла посреди комнаты при виде чужой наготы. Он уж и забыл про нее.

Не сумев найти бутылку, Шут выругался тихо – громко уже не мог: горло огнем горело, а темные пятна окончательно заволокли весь мир. Даже сил залезть обратно не осталось.

«Да и демоны с ним, с вином, кроватью и этой скромницей... – подумал он, сползая на пол. Старого вытертого ковра отчего-то не оказалось на месте, видать, служанка уже свернула его, чтобы снести во двор для выколачивания. Но прикосновение каменных плит показалось жаркому телу даже приятным. – Зато здесь прохладнее...»

Шут улыбнулся и провалился в забытье.

– Экий же ты, братец, дурень...

На сей раз служанка была пожилая, сильная, что лошадь, и начисто лишенная предрас-судков. Матушка Нелла почти без натуги подняла и так-то не очень большого, а тут и вовсе отощавшего Шута с кресла, где тот, очнувшись, себя обнаружил, и в два шага перенесла на чистую перестеленную кровать. Он окончательно пришел в сознание, когда ощутил под голо-вой теплую ладонь, а у губ – деревянную чашу с лечебным отваром. Не первую, судя по горь-

коватому привкусу трав, что стоял во рту. Шут со стоном сел и попытался самостоятельно ухватить пиалу. Служанка пресекла это:

– Сиди уж... – Она крепко держала чашу, пока та не опустела.

Шут хорошо знал эту женщину: она состояла при дворе давно и, дослужившись до помощницы старшей горничной, могла уже не возиться с тряпками.

Вновь откинувшись на подушки, Шут на миг прикрыл глаза – голова все еще была тяжелой. Тем не менее он сразу заметил, что комната убрана и проветрена, ночная ваза вымыта и больше не смердит, а его самого укутали в теплый плед.

«Теперь весь двор будет думать, что господин Патрик не только с виду хилый, но и на самом деле таков», – с огорчением подумал Шут. Он с тоской представил себе ехидный смех родовитых девиц Солнечного Чертога и сразу (сказалась многолетняя привычка) начал придумывать достойные ответы.

– Давай-ка поешь теперь, – спустя какое-то время матушка Нелла вновь возникла перед ним, прервав этот безрадостный внутренний диалог. От пышнотелой женщины вкусно пахло чем-то очень домашним. Она поставила на столик у изголовья поднос с простой доброй едой и села на край постели, аккуратно расправив на коленях белый передник. – Иль тебя и кормить теперь с ложечки надо?

– Не надо...

Пряча глаза от неловкости, Шут осторожно сел. Жар спал, и, хотя в горле все еще скребло, боль тоже почти ушла. Матушка смотрела на него с доброй усмешкой и, казалось, действительно была готова выхаживать, как младенца. В ее простом круглом лице без труда читались все пережитые горести и печали, однако окруженные сетью морщин глаза остались ясными, точно годы их вовсе не коснулись.

«Наверное, она и со своими внуками так же возится», – подумал Шут с благодарностью. Сам он давно не знал домашней ласки и всегда с каким-то особенным волнением принимал чужую заботу.

– Спасибо... – вздохнул еле слышно и спрятался за привычной ширмой улыбки: – Вы спасли мне жизнь, прекрасная дама!

– Ишь ты, уже паясничает! – служанка хрипловато рассмеялась, и смех этот лучше слов отразил радость от того, что непутевый королевский шут больше не валяется обморочный на голом полу. – А не больно много у тебя друзей, я погляжу, – обронила вдруг она.

Да уж... за четыре дня никто не хватился.

Шут, конечно, притворился, что его это мало волнует, но на самом деле, в часы болезни не раз задавался вопросом, отчего все сложилось именно так. Отчего ни шутки, ни улыбки не принесли ему то, в чем нуждаются и король, и распоследняя уличная нищенка... Так что в ответ на матушкину реплику Шут лишь вздохнул и пожал плечами, удерживая на лице слегка подувядшую улыбку.

– Кто захочет дружить с дураком?

Служанка подала ему ломоть хлеба и хмыкнула:

– Нет, парень, шибко у тебя глаза умны для дурачка. А глупость вся – оттого только, что подсказать некому, как жить надо.

Шут развел руками: дескать, согласен. Он уже вполне пришел в себя и с удовольствием выпил полную чашку густого бульона, а затем расправился с сыром и хлебом. Все дни до этого его рацион составляли только апельсины с яблоками да легкое ягодное вино, которое, как и везде, являлось во дворце основным напитком. Приятно было снова ощутить вкус настоящей еды. Пугающая слабость отступила, и посуда, хвала богам, уже не норовила выпасть из пальцев.

Когда он закончил трапезу, служанка собрала все чашки на поднос и, сочтя свой долг выполненным, устремилась к двери. На самом пороге она обернулась и, подбоченясь, строго сказала:

– Утром проверю, как ты тут.
И, пряча улыбку, скрылась за дверью.
Шут снова остался один.

Так почему-то вышло, что близких друзей при дворе у него не завелось. Кроме короля, конечно. Но король – он все-таки король. Не ему, дураку, ровня. К тому же Руальд Третий частенько покидал Солнечный Чертог, и тогда его любимец оказывался предоставлен самому себе, точно вольный ветер.

2

Пару месяцев назад король вновь отбыл из Золотой: на сей раз с дипломатическим визитом к тайкурскому правителю – таргалу Хадо.

Шут без него привычно скучал. Еще до болезни в один из пасмурных тоскливых дней он забрался на ступеньки трона и, нацепив на голову соломенную корону, сидел подле монаршего кресла неммым напоминанием о королевской власти.

– Что, господин Патрик, грустите без любимого хозяина? – нарушил тишину язвительный голос. Обернувшись, Шут увидел графа Майру. Один из приближенных Руальдова брата, принца Тодрика, граф заглянул в зал, выгуливая парочку фрейлин.

– Грущу, господин Майра... – Шут выпрямился, с высоты пяти ступенек скорбно посмотрела на графа и его спутниц. А потом, зазвенев бубенцами, неожиданно прыгнул и по-кошачьи приземлился прямо у ног оторопевшего вельможи: – Не все ж, как вы и принц, радуются его отсутствию! – Неожиданно встав, он ловко надел потешную корону на графскую лысину. – О! А вам идет! Даже больше, чем Его Высочеству! Так и передайте ему!

Отскочив в сторону, Шут рассыпался в реверансах и звонко продекламировал сочиненное экспромтом:

*Наш принц, конечно, будет рад,
Когда опять уедет брат.
Но радость принцам не к лицу –
Вместо себя он шлет овцу!*

Златорогий баран украшал фамильный герб Майры... Граф побледнел и потянулся к ножнам. Королевского шута по большей части предпочитали считать блаженным дураком, на слова которого грех обижаться (и тем более наказывать за них). Но иногда он ходил по краю. Майре едва хватало выдержки вспомнить, что перед ними всего лишь паяц. Какой с него, полоумного, спрос?

После того, как Шут пару раз предугадал грядущие события, придворные даже надели его даром пророчества – известно ведь, что безумцы частенько «говорят с богами». Однако язык у Шута был отнюдь не благочестивым и подчас оказывался куда более пугающим оружием, нежели отточенная сталь, которой так любили помахать все эти господа рыцари и бароны.

– Допрыгаешься, Патрик! – прошипел граф, делая вид, что не замечает, как нервно приснули в кулачки обе его дамы. – Однажды твоя пустая башка украсит Небесную стену! – Он сорвал с головы корону и, скомкав, бросил под ноги Шуту. Желваки на лице у Майры ходили ходуном, когда он круто развернулся и вышел вон. Эхо его шагов гулко разнеслось по анфиладам комнат, уходящих от тронного зала вглубь дворца.

Одна из фрейлин немедленно поспешила за графом – утешать. А вторая поддела тувфелькой остатки головного убора и бросила на Шута заинтересованный взгляд. Она не так давно попала ко двору, имела хорошее покровительство и могла не бояться гнева Майры. По какой-то причине Шут показался ей интересней прежнего собеседника.

Господин Патрик всегда нравился дамам, хотя они и не могли толком понять, как вести себя с ним и чего ожидать от чудака с бубенцами. Но чудак был молод и вполне мил на их погляд, хотя вовсе не походил на тех широкоплечих героев, что обычно воспеваются в балладах. Его вечные загадки и дерзости на грани дозволенного не могли оставить дворцовых прелестниц равнодушными. Впрочем, ни одна из них не воспринимала господина Патрика всерьез. Поиграть, повеселиться – это сколько угодно. Потом шептаться по углам, какой он забавный и какие восхитительно неприличные у него шутки! Шут доподлинно знал, что среди девиц ходили красочные слухи о его якобы распутстве. Но, по правде сказать, ни одна из них не могла похвалиться, будто почивала в постели у королевского любимчика. Когда в рассказах дело доходило до главного момента, дамы закатывали глаза и начинали нести невероятную чушь. Бредовые эти рассказы цеплялись один за другой, множились, обретая все новые и новые детали. Никто не пытался найти концов правды, и Шута это устраивало. Сомнительный образ покорителя сердец давал ему ряд ценных преимуществ, особенно по части сбора информации.

– А что, господин Патрик, вы и впрямь так радеете за короля? – невинно спросила фрейлина, когда шаги графа затихли.

«Еще одна авантюристка», – с грустью подумал Шут, глядя в соблазняюще-откровенные зеленые глаза.

Он ответил девице одной из тех улыбок, которые в свое время долго оттачивал перед зеркалом, – лукавой усмешкой сердцеда, уверенного в своей неотразимой притягательности.

Придворным дамам более всего нравилось, когда он вел себя именно так, хотя в действительности Шута мало влекли любовные забавы. Все эти баронессы, графини и маркизы казались одинаковыми: если не пустоголовыми, то, наоборот, слишком расчетливыми. Их привлекала только внешняя необычность Шута да еще его приближенность к королю. Для того чтобы окончательно убедиться в этом, ему понадобилось почти два года. Два года пустых надежд найти родственную душу во дворце.

– Да разве ж вам это интересно? – продолжая улыбаться, он наклонился подобрать обломки короны. – Давайте лучше познакомимся! Мое имя вы уже знаете...

– А меня зовут Дана Кригом, – она подставила руку для лобызания. Касаясь губами бархатистой кожи, пахнувшей духами, Шут уже думал, как бы поудачней убраться восвояси, но тут боковая дверь открылась и в зал шагнула королева Элея ее собственной величественной персоной.

Она, как всегда, была безупречна: золотисто-каштановые волосы, украшенные драгоценными камнями, диадемой лежали вокруг головы, небольшую высокую грудь плотно облегал лиф темно-вишневого платья, весь в белоснежных кружевах.

– Развлекаешься, Пат, – взгляд королевы по обыкновению при виде Шута исполнился легкого небрежения и холодка. – Кина уже передал тебе мое поручение? – Шут отрицательно качнул головой. – К нам прибыл барон Дарм с дочерьми. К обеду ты должен быть в трапезной. Только обойдись, пожалуйста, без пошлых шуток. Я буду тебе признательна, если ты ограничишься своими немymi сценками и не будешь распускать язык.

Не дожидаясь его ответа, Элея покинула тронный зал через главный вход.

Королева Шуту нравилась, хотя сама она относилась к любимцу супруга без особой симпатии. Мало кто знал, что внешне такая хладнокровная и сдержанная Элея была сильно обижена на господина Патрика: виду Ее Величество не подавали, а Шут притворялся, что не догадывается.

У нее был сильный характер, у королевы Элеи, но при этом жена Руальда – урожденная принцесса Белых Островов – никогда не проявляла себя ни тираншей, ни дурой. В отличие от большинства женщин династии Крылатых, что вот уже четыре столетия подряд правила Закатным Краем. Даже интриг Элея не поощряла – к величайшему неудовольствию своих фрейлин,

больших любительниц плести сети из слухов и тайных козней, направленных в основном друг на друга.

– Простите, леди Дана. Я вынужден покинуть вас. – Шут изобразил на лице великое сожаление, достал у фрейлины из-за ушка соломенную розочку и, с поклоном вручив ей этот выкуп за свободу, колесом выкатился вслед за королевой.

Да... он мало с кем по-настоящему был близок при дворе. Веселил всех, а о серьезном заговаривал редко. И в глубине души оставался тем же застенчивым мальчишкой, каким впервые появился в Солнечном Чертоге. Просто научился прятать свою робость за дерзостью и пьянящей бравадой.

На самом деле Шут вовсе не любил этих фокусов с дамами: он ничего к ним не чувствовал, просто знал, что так нужно. Но об этом едва ли догадывался даже Руальд, который знал своего странного любимца лучше, чем кто-либо во дворце. Даже королю Шут, остерегаясь, не открывался до конца. А уж с другими-то и подавно менял маски одну за другой. Благо у него их было много. Особенно господин Патрик любил изобразить идиота: отвесить нижнюю губу, собрать глаза в кучу и не мигая глядеть сквозь собеседника. Этот прием безотказно действовал почти на всех вельмож, которые слишком кичились своей важностью – уже через несколько мгновений они начинали захлебываться собственным потоком брани, требуя «сделать нормальное лицо и изъясняться, как положено воспитанным людям!».

Шут воспитанным не был. Отродясь. И, даже проведя во дворце без малого пять лет, он не научился премудростям этикета.

Не захотел.

3

В дверь громко постучали.

– Прошу! – крикнул Шут, но охрипшее горло его подвело: он надолго закашлялся и, расстроенный, пониже сполз с подушек под одеяло. Было отвратно думать, что его застанут таким хворым. И что это будет даже не прислуга – ни одна служанка не отважится так решительно и настойчиво заявлять о своем приходе.

Вошла королева.

Высокая, стройная, в медовых глазах отразился солнечный свет.

«Какая же она красивая!» – подумал Шут мимолетно и утер нос краем тряпицы.

Скрестив руки на груди, Элея рассматривала его, точно насекомое в коробочке. Неприятное и даже не интересное, но нужное для дела. Платье на ней было – как окутанный сумраком жемчуг: такого удивительного оттенка, что не сразу и назовешь. Туманное платье ледяной королевы. Оно удивительно подчеркивало нежное сияние светлой кожи.

– Я вижу, господин придворный шут сегодня не в состоянии развлекать почетное собрание, – в холодном голосе Элеи не прозвучало ни намека на сочувствие. Да кто бы сомневался.

Он лишь вздохнул. Сипеть в ответ дерзости желания не было.

– Изволь принять лекаря, – сухо произнесла королева. – Я велю послать его сюда.

И вышла прочь, не потрудившись закрыть за собой дверь, только платье прошелестело... В открытый проем немедленно ворвался холодный поток воздуха, сбросив со стола и разметав по полу бумажные листы. Шут немного полежал, собираясь с силами, а потом, завернувшись в тонкое летнее одеяло, выполз из кровати, чтобы захлопнуть дверь. И надо ж было так случиться, что именно в этот момент на пороге возник тихий, сушеного вида лекарь с кучей свертков в руках. Внезапное появление сердитого Шута если уж не напугало его, то точно застало врасплох: от неожиданности старик отпрянул с тихим возгласом и едва не упал, наступив на свой длинный халат. Небольшие кожаные мешочки рассыпались по полу.

Шуту стало стыдно. Очень. Плотнее запахнув одеяло, он нагнулся и стал помогать целителю собирать кульки. Даже пробормотал что-то вроде «извините, не хотел...».

Лекарь этот, в отличие от других, пользовавших еще Руальдова отца, был человеком новым при дворе. Господина Патрика он почти не знал, так как пренебрегал шумными собраниями, где тот развлекал публику. Подле короля тоже не отирался. Шут и видел-то его всего пару раз издали. Внешность у старика была самая заурядная: чуть вытянутое лицо с прямым плосковатым носом и узким подбородком, заплетенные в косицу седые волосы, неизменный длиннополый халат, перевязанный вместо пояса традиционным шарфом целителя – темно-зеленой шелковой лентой, расшитой орнаментом из растений. Единственное, что запомнилось Шуту из тех мимолетных встреч, – это неожиданная легкость движений лекаря. Как будто тот не порошок смешивал всю свою жизнь, а практиковал танцевальное искусство. Вот и теперь старик собирал оброненное даже проворней Шута, который, впрочем, не мог в эти дни похвастаться ни ловкостью, ни быстротой реакции.

«Хорошее начало знакомства», – подумал он мрачно, нагибаясь за очередным свертком.

Однако лекарь уже вполне оправился после неожиданной встречи. Заполучив назад последний мешочек, он с головы до пят окинул Шута цепким взглядом и выразительно вздохнул:

– Ступайте, в постель, любезный, зря вы ее покинули.

– Закрывать надо за собой, – буркнул Шут, пряча смущение за показным недовольством, но покорно вернулся в кровать. Его опять начинало знобить, а перед глазами поплыли уже привычные темные пятна.

Целитель сел рядом. Осторожно взял в руки холодную влажную ладонь Шута и с неожиданной силой передал у запястья. Что-то слушал, застыв лицом и прикрыв глаза, двигал пальцами по голубым Шутовым жилам. Затем пристально изучил оба глаза и заглянул в рот.

– Штаны тоже снять? – не удержавшись, съязвил Шут.

– Если вам без них удобнее, – парировал лекарь с усмешкой.

– Ну... коли вы пропишете мне немного любви! – глупости подобного рода давно рождались у Шута сами собой, без малейших усилий. Он лукаво прищурился. Темные пятна рассеялись, и обычное дурашливое настроение понемногу возвращалось.

– Полагаю, для этого вам не обязателен мой рецепт, – молвил старик таким тоном, что Шуту стало стыдно за свой распущенный язык.

Лекарь выбрал из кульков три лишь ему приметных и оставил их на столике при кровати.

– Из каждого – по одной пилюле раз в день. Эти – с утра, как проснетесь, эти – после обеда, эти – перед сном. Да постарайтесь, чтобы всегда в одно время.

– Где же видано, чтобы такие, как я, ели и спали по часам? – Шута и впрямь позабавили слова лекаря. Но старик веселья не поддержал.

– А это, уважаемый, уже ваша забота. Да только я вам вот что скажу: болезнь сия имеет корни глубже, чем может показаться на первый взгляд. Ваше тело ослаблено, но хуже того – душа истощена. Без должного лечения вы, конечно, оправитесь от этой простуды, да только вскоре заболите вновь. И уже серьезней. Так что поступайте, как знаете. Можете выкинуть эти горошины в окно и идти развлекать почетное собрание, где королева очень желала бы вас видеть.

Лекарь говорил спокойно, однако Шут хорошо уловил суровые нотки в его голосе. И чутье подсказало ему, что лучше не перечить. Поэтому он вздохнул, выразительно пожал плечами и весело продекламировал:

Ну, в одно – так в одно.

Погляжу заодно,

Как работают чудо-пилюли,

Если только меня не надули!

– Да, – вздохнул целитель, – стишки у вас хорошо получаются... Талантами боги не обидели. Еще бы благоразумия вложили... Не спутайте, какое лекарство когда принимать, – с этими словами придворный врачеватель встал и хотел уже откланяться, но вдруг добавил: – И вот еще что, господин шут. Велите слугам впредь убирать в вашей комнате почаще. От грязи здоровья не прибавится. Мы с вами все-таки не в Шерми живем.

Шут не стал ломать голову над вопросом, откуда, несмотря на чистоту после недавней уборки, лекарю стало известно про его обычный беспорядок. Следовать совету старика он тоже не собирался, потому что терпеть не мог, когда в его покоях появлялись посторонние.

Впрочем, после болезни к нему пару раз ненавязчиво заглядывала лично матушка Нелла. Как и обещала, она проверила все ли в порядке с чудаковатым господином, и ему это было приятно... Шут безропотно разрешил ей вымыть окна в спальне и отдать пропыленный балдахин прачкам. В благодарность за заботу он потихоньку подложил доброй матушке пару серебряных «всадников». Засунуть монеты в карман ее передника было делом несложным для человека, который в свое время выживал тем, что воровал худо лежащее с прилавков и зарабатывал фокусами. А нынче жалование Шут получал золотом, поэтому вполне мог позволить себе такую щедрость.

Личных горничных у Шута не имелось. Во-первых, он не особенно любил отдавать распоряжения, да и не испытывал большой нужды в чьей-либо помощи. Сам мог сходить на кухню за едой или отдать грязные рубашки прачкам, беспорядок же ему не мешал. А во-вторых, хоть и именуемый «господином», на ступенях дворцовой иерархии Шут и сам был ненамного выше прислуги. Нет, разумеется, ему стоило лишь заикнуться – и в тот же день любимчику короля назначили бы личного лакея. Но он понимал, как нелепо это будет смотреться со стороны.

Прежнее здоровье к Шуту вернулось быстро, и пилюли он перестал пить сразу, как почувствовал, что может снова пройтись колесом и покинуть свои покои через окно. Совесть мучила его недолго: в конце концов, этих горьких шариков с резким запахом трав стало на треть меньше.

«Шут я или девица? – смеялся он над собой. – Не хватало еще, и правда, зависеть от каких-то пилюлек!»

Довольно и того, что он почти неделю пытался следовать строгому распорядку дня. Это оказалось слишком утомительно.

4

Первое, на что решился Шут, выбравшись, наконец, из постели и из простуды, был поход к дворцовой портнихе.

Чопорная, длинная и худая как палка, эта особа наводила трепет на всех своих клиентов. Но меньше их от этого не становилось. Мадам Сирень, за глаза называемая просто Госпожой Иголкой, умела создавать шедевры. Ее наряды стройнили толстых, подтягивали низкорослых, оттеняли лучшее в каждом заказчике. Подобно Шуту, Госпожа Иголка была незнатного рода, но во дворце к ней относились с большим уважением: как-никак этой женщине было доверено одевать самого короля. Разумеется, все придворные дамы выстраивались в очередь к ней на пошив. И, несмотря на целую грядку учениц и помощниц, мадам Сирень всегда была занята на много недель вперед.

Но Шут обслуживался вне очереди. Как особа, причисленная к королевскому кругу.

Он тоже побаивался Госпожи Иголки, ибо прозвище свое она получила не столько за пропорции тела, сколько за вздорный нрав и острый язык. Каждый раз их встречи превращались в опасный словесный поединок, в котором Шуту не всегда удавалось остаться победителем. Направляясь к ее мастерской, он перебирал в голове их прежние стычки и гадал, на чем может проколоться в этот раз. Но мадам Сирень встретила его почти ласково. Едва только Шут заглянул в швейную мастерскую, она приветливо кивнула ему и поманила длинным костлявым пальцем.

– Заходите, заходите, господин шут. Чего изволите? – портниха улыбнулась ему, но выглядела она усталой, а в голосе ее не было даже намек на привычное ехидство.

– Да ведь вы знаете не хуже меня, – Шут сделал умоляющее лицо, выразительное, как у голодной собаки, и распахнул края дублета. – Через три дня – осень...

Вообще-то у него был целый шкаф нарядов, но придворному паяцу положено выглядеть не красавчиком в кружевах, а забавным дураком. Так что дорогие платья, раз уж им положено иметься у приличного господина, висели себе за дубовыми дверцами, а Шут, как правило, щеголял в живописно-ярких костюмах с бубенцами. Не лишенных, впрочем, изящества и красоты. Очередной наряд Госпожа Иголка шила ему почти к каждому новому сезону. Таков был их негласный уговор.

Мадам Сирень взяла его за локти и довольно бесцеремонно подвинула ближе к окну.

– Ты похудел, дружок.

– Немного, – улыбнулся он. – Скоро наверстаю, так что шейте, как обычно.

Шут был невысокого роста, из тех, про кого говорят «тонкая кость». Он часто ловил на себе пренебрежительные взгляды других мужчин и оттого казался себе малопривлекательным. Но зато его тело – стройное, ловкое и гибкое – позволило ему стать отличным акробатом. К тому же, несмотря на внешнюю хрупкость, он был намного сильнее, чем обычно думалось окружающим: летая над перекладиной и разгуливая на руках, трудно не обрести в мышцах железную крепость. Однако сила эта не бросалась в глаза, в отличие от невысокого роста...

Портниха пристально смотрела на Шута, будто хотела постичь что-то невидимое глазу. Так было всегда, когда он приходил на примерку. По дворцу гуляли слухи, будто Госпожа Иголка – колдунья. Вранье наверняка. Но странная она была – не поспоришь. Эта женщина всегда требовала личного присутствия клиента при заказе, даже если знала его мерки наизусть.

Наконец она сделала для себя какие-то выводы и позвала:

– Арна! Будь добра, принеси мне ткань господина Бужо и тот красный отрез, – портниха задумалась на миг, – и еще немного золотого шелка... да... на вставки... там как раз остался нужный кусочек. Впрочем... сама найду.

Она ушла вслед за помощницей, оставив Шута наедине со своим выводком скромных трудолюбивых девиц. Портнихи слаженно работали, не обращая внимания на гостя. Шут заскучал. Его взгляд скользил по комнате... По широким окнам, подоконники которых были завалены тканями, и рабочим столам рукодельниц, пестрым от лоскутков и катушек с нитками... По деревянным моделям, чьи суставы можно было сгибать, как у живого человека, и полкам с готовыми заказами...

Шут вздрогнул, когда в ноги ему ткнулся пушистый широколобый кот. Дымчато-серый, с умными зелеными глазами – он был одним из множества кошек, привечаемых в Чертоге и призванных сокращать поголовье грызунов. Впрочем, этот откормленный баловень портних едва ли гонялся за крысами, которых во дворце всегда водилось в достатке. Шут наклонился и, улыбнувшись коту, ласково почесал его возле уха. Тот заурчал и еще настойчивей принялся ластиться к Шутовым ногам, щедро осыпая свою длинную шерсть на темные штаны гостя.

– Попрошайничаешь, Бархат? – Шут быстро распрямылся, когда мадам Сирень возникла рядом. А портниха подняла кота под брюхо и бесцеремонно выставила на карниз за окно. – Поди лучше погуляй, бесстыжая морда.

Ткань неизвестного господина Бужо оказалась темно-песочного цвета с теплым золотым отливом на свету. Достаточно плотной для осени, немнущейся и крепкой.

Дорогая ткань. С тех пор, как Шут попал во дворец, ему никогда не шили дешевых нарядов.

– Ну вот... Такой костюм оттенит твою кожу и подчеркнет цвет волос. – Госпожа Иголка довольно улыбалась, обернув его куском материи. – Чудо как хорошо! Ты везунчик... Ткань редкая, из Заморья.

Кожа у Шута была светлая, как и у большинства жителей королевства, а непослушные лохматые волосы – того редчайшего оттенка, который в народе называют «солнечное серебро». Они походили на выгоревший к осени ковыль, подсвеченный утренними лучами, и будто испускали едва уловимое сияние, неизменно привлекая внимание зевак. Во всем городе такими волосами больше никто не мог похвалиться, да и в других краях – поди сыщи. Заезжие гости короля всегда дивились, увидев Шута впервые.

Он с волнением посмотрел на портниху:

– А успеете? До конца лета уж рукой подать. – Шуту очень хотелось появиться на балу Первой Осенней Ночи в новом наряде.

Госпожа Иголка фыркнула:

– Ты бы еще позже пришел! – Но, когда Шут трогательно сложил ладошки на груди и сделал свой собачий взгляд еще красноречивей, лишь рукой махнула. – Да не волнуйся. Успеем.

Остаток дня Шут провел в библиотеке.

Он любил это место. Ряды книг, уходящие до самого потолка, цветные витражи, пылинки, парящие в звонкой прохладной тишине. Под высокими сводами любой звук растворялся, подобно капле, упавшей в бескрайнее озеро: шорох страниц, тихие голоса, шаги редких посетителей... Мудрость, накопленная стенами библиотеки, казалась Шуту терпким вином, с годами приобретшим особый изысканный вкус. Обитатели дворца не особенно чтити ее своим вниманием, и это было хорошо. Каждый раз, закрывая за собой дверь в этот чертог знаний, Шут чувствовал, что оставляет за порогом все дрязги, интриги, сальные шутки, жеманные улыбки, всю эту ложь и суету. Он с ногами забирался в большое кресло у высокого стрельчатого окна, откуда была видна входная дверь, и мог сидеть в нем часами, листая пожелтевшие страницы бесценных фолиантов.

Там его и застала королева. Вошла неожиданно, без стука, ведь это была не личная Шутова комната.

– Прохлаждаешься, Пат, – будто ледяные осколки звонко ударились о хрустальное дно тишины.

Патриком его назвали, чтобы звать хоть как-нибудь. Настоящего своего имени Шут никому не сообщал, а прозвище его никто не воспринял всерьез, ибо в Солнечном Чертоге оно обернулось настоящей должностью.

– Ошибаетесь, Ваше Величество. Готовлюсь к празднику, – он улыбнулся ей тепло и искренне, но выражение лица королевы оставалось непроницаемым. Что-то было не так с ней, однако Шут не мог понять, что именно. Ему показалось, Элея бледна, но он не взялся бы сказать наверняка – возможно, виной тому была лишь игра света, искаженного разноцветными стеклами витража.

– Мне известно, как ты готовишься. Отвлекаешь портних от важных заказов. Знаешь ли ты, что весь курятник мадам Сирень сегодня занимается только твоим нарядом?

– Я польщен! – Шут радостно сверкнул глазами.

Вместо ответа королева поджала губы и неожиданнохватила у него из рук книгу, что Шут держал, когда она вошла.

– «Острословия Марта Коротышки»... – Элея открыла страницу наугад, и глаза ее скользнули по строкам. Шут довольно глядел, как на губах королевы заиграла улыбка, а на щеках – румянец. Наконец она расхохоталась и бросила «Острословия...» обратно. – Патрик, эти шутки ужасны... Если их услышит леди Бусс, ее хватит удар.

Он осторожно отложил в сторону удачно пойманную книгу. Это был один из немногих экземпляров, иллюстрированных в технике живых чернил.

– О, не волнуйтесь, Ваша Светлость. Она их не услышит. Подобные шутки предназначены для других ушей. Да и не думаете же вы, что я украду чужие слова? Это всего лишь один из моих источников вдохновения! – Он лукаво посмотрел на нее, склонив голову набок. На самом деле Шуту вполне хватало собственных мыслей и остроумия, ни в каких дополнительных источниках он не нуждался. Просто уже привык выставлять себя большим дураком, нежели был на самом деле.

– Знаю я, где твое вдохновение... У фрейлин под юбками! – неожиданно резко бросила ему Элея.

Шут опешил. Никогда раньше королеву не трогали его интрижки с придворными девицами. И никогда она не позволяла себе подобных слов. Упрек из ее уст прозвучал как-то особенно обидно и непонятным образом задел за живое. Ответить, однако, Шут не успел: Ее Величество королева Элея покинула библиотеку, громко ударяя пол острыми каблуками. Последний взгляд, который она бросила на Шута, оцарапал его хуже любого кинжала.

Некоторое время он сидел в глубокой задумчивости, пытаясь понять причину столь несправедливого гнева. Ревность отпадала сразу, Шут знал, что королева скорее уйдет в монахини, чем позволит ему взглянуть на нее как на женщину. Может, он обидел кого? Ее близкую подружку? Одну из фрейлин? Да нет... не было такого. Или одна из девиц округлилась животом, и отцовство опять приписали господину Патрику? Но он бы первым узнал. Шут перебрал в уме еще несколько домыслов, и все они показались ему лишены оснований.

Устав от пустых раздумий, он решил, что лучше будет снова взяться за чтение. Разумеется, не сочинений развратника Марта. Ими он увлекался в том возрасте, когда растительность на лице еще только намечается, а вот прыщей на нем уже хоть отбавляй. Хотя, конечно, в юморе старику не откажешь. Но на данный момент «Острословия...» были лишь ширмой для совсем другого чтения.

Шут извлек из-за спины маленький, но увесистый томик.

«Ловкость рук – все-таки ценное приобретение, надо отдать должное Virtuozу и его урокам».

Он и сам не взялся бы объяснить, отчего спрятал книгу при виде королевы. Просто ему претила мысль, что кто-то увидит его за чтением философских измышлений. Дуракам не положено знать подобные вещи, дураки при дворе должны кривляться и сыпать пошлостями.

Увлечшись особенно интересным замечанием в книге, он запустил пятерню в свои густые волосы, окончательно разлохматив и без того не слишком аккуратную шевелюру. Без шапки, как и без звона бубенцов, было непривычно. Но что поделаешь: новый костюм ему принесут только через пару дней, а прежний пропал безвозвратно.

И шапка вместе с ним...

5

...Летний его наряд был разноцветным, легким и таким удобным, что очень быстро стал как вторая кожа. Сшитый из зеленых, красных и оранжевых лоскутов, из длинных свободно свисающих ленточек, он – вопреки обычному – больше походил на карнавальный костюм, нежели на повседневное платье. Каждый раз, отдавая его прачкам, Шут требовал вернуть одежду в тот же день, во что бы то ни стало. Ничего другого не надевал и в часы стирки щеголял по дворцу, завернувшись в простыню. Дамы хихикали, королева сердито отворачивалась,

а Руальд шурил смешливые глаза и говорил, что его любимец «накопил довольно блох, чтобы расстаться со своими колокольчиками на полденька».

И все было хорошо, пока принц Тодрик, младший брат короля, не пожелал взять придворного дурака с собой на охоту. Шут наследника не любил, а травлю и подавно. Но его мнения никто не спрашивал, ибо чувства у них с Тодриком были взаимные... Будь Руальд во дворце, принц не посмел бы командовать дружкой короля, но Его Величество уже пару месяцев как отбыл в путешествие по Диким Землям, и Тодрик решил, что может позволить себе такую вольность.

Чистым звонким утром три десятка рыцарей во главе с наследником престола покинули дворец, направляясь к богатым лесным угодьям, которые находились невдалеке от города. Рыцарей сопровождали оруженосцы и дамы, охочие до страстей, а также мрачный Шут. Оскорбленный вольностью принца, он даже не пытался сделать вид, будто ему приятна компания и происходящее. Рыцари пели, пили, хвастались и красовались перед дамами. Тодрик потрясал длинным копьём и бился об заклад, что сразится даже с медведем, коли тот встретится на пути. Один на один, разумеется.

«Ну-ну, – думал Шут, – то-то я гляжу, тебе каждый раз оленей выставляют да молодых хрюшек. Да и сам ты – лошечный хряк...»

На самом деле принц вовсе не был ни толстым, ни розовым и вовсе не отличался любовью к грязи. Напротив, Шут ни разу не замечал его два дня подряд в одном наряде, а от служанок знал, что апартаменты Тодрика можно было бы взять за эталон чистоты во дворце. Но все это не имело значения, ибо Шут видел скрытое за внешним лоском: будучи первым наследником правящего монарха, принц Тодрик тяжело страдал неудовлетворенными амбициями. Осознание, что лишь одна жизнь отделяет тебя от трона – тяжкое бремя. Ведь прямого наследника-то нет... Нет его, да и будет ли? Ах, Тодрик, как хочется тебе примерить корону! Так хочется, что хоть волком вой, хоть криком кричи... Шут знал: принц легко подставил бы ножку брату, выпави ему такой шанс. Но шанс не падал, а кишки Тодрика были слишком тонкими, чтобы он осмелился на нечто большее, чем стенания в кругу верных рыцарей о несправедливом выборе судьбы.

Рыцари эти, на Шутов погляд, были слишком преданы Его Высочеству. Прикормил их Тодрик, приучил к сладкой жизни. Куда бы он ни ехал – в соседние королевства за турнирными победами, на охоту или просто в дорогую винницу, – бравые парни, увешанные железом, неизменно сопровождали его, разделяя с принцем все удовольствия. Ну или почти все.

В лагере на лесной лужайке было шумно и весело, слуги подготовили цветные шатры для гостей, накрыли столы, развесили флаги с гербами рыцарей. Дамы сразу занялись любимыми делами – плетением венков и сплетен. Рыцари нетерпеливо гарцевали на своих холеных рысаках, ожидая, когда затрубит рог и можно будет ринуться за сворой по следам несчастного оленя. Лаяли собаки. Главный ловчий что-то терпеливо объяснял принцу, более всех жаждущему с головой окунуться в бешеную скачку. Шут понял, что выбора у него нет, и принялся развлекать дам забавными историями и фокусами. Было скучно, но не более, чем обычно. И лучше бы так и оставалось...

– А сыночек тот, да будет вам известно, пропил все папино наследство в три года и решил... Угадайте что? Ну конечно – податься в рыцари! Куда ж еще идти родовитому бездельнику... – Шут как бы невзначай покосился в сторону парочки особенно задиристых парней из свиты принца. – А тут, вот беда-то, у графеныша этого опять неувязка случилась: кобыла его понесла! – Он встал, скрючив ноги так, точно между ними были бока беременной лошади, и всем видом своим изобразил придурковатое недоумение. Однако продолжить байку Шуту не дали. Он вздрогнул от неожиданности, когда тяжелая рука в грубой кожаной перчатке хлопнула его со всей дури по плечу:

– Эй, ты! Тебя принц зовет, оглох, что ли? – рыцарь Барх, беззубый громила с физиономией в рубцах от давних чирьев, никогда не отличался деликатностью... Потирая отбитое плечо, Шут так и заявил ему, ядовито напомнив, что приласкать дурака считается среди дам хорошей приметой, но вот на счет рыцарей он не уверен! Упомянутые дамы, не обманув его ожиданий, дружно засмеялись, заставив рыцаря побагроветь от гнева. Но влить Шуту затрепину ему не удалось – конечно, куда этому Барху состязаться в ловкости с учеником Виртуоза... Увернувшись от лапищ рыцаря, Шут ретировался по направлению к палатке принца. И в этот момент прозвучал сигнал к началу травли. Крик и лай, трубный глас охотничьих рогов, топот и пылица – Шут сам не заметил, как оказался в самом центре этого хаоса.

Рядом с Тодриком.

У наследника были невыразительные бледно-голубые глаза, и, хотя лицом он удался, эти водянистые гляделки все портили. Сводили на нет аристократическую красоту прямого носа, черных бровей, алых губ и густых темных волос, каскадом спадающих на плечи. Женщины, безусловно, считали принца красавчиком, но Шут видел лишь эти холодные глаза с вечной обидой, затаившейся на дне.

И сейчас, когда они смотрели прямо на него, Шут понял, что его ждут неприятности. Очень серьезные неприятности.

– А отчего это вы, господин паяц, не изволите развлекать моих рыцарей? – Тодрик кривил губы в злобной усмешке. – Все с дамами да с дамами, а как же мы? – Он обвел рукой своих товарищей, которые все как один скалили рожи в гнусных улыбках, предвкушая... что? Охоту? Или совсем другую забаву? – А извольте-ка вы нас сопровождать! Трас, подай скакуна его дурачеству!

Из-за спин рыцарей протиснулся хилый подросток в цветах дома Этраков, он вел в поводу осла. Старого, облезлого и запаршивевшего. Шут с удивлением понял, что забава была спланирована заранее.

«Это кому же я так насолил? Графу Майре? Принцу? Ну да, у них обоих достанет подлости на такие фокусы... В одиночку Тодрик не решился бы шутить подобным образом. Он пока еще боится брата...»

Но Его Величество Руальд оставался далеко. А рыцари не желали больше ждать ни секунды.

– Садись, дурак! – Барх грубо толкнул Шута в спину, и тот, чтобы не упасть, был вынужден вцепиться в холку осла. – Садись! Да держись крепче: мы быстро поскачем и ты не должен от нас отстать! – Смех оглушил его, и, пока Шут пытался устоять на ногах, кто-то набросил ему на плечи веревку, стянув ее так сильно, что он вскрикнул от боли. – Вперед! – Рыцари хлестанули осла и сами, пришпорив коней, рванули в погоню за оленем. Шут с ужасом понял, что второй конец веревки, намертво врезавшейся в его плечи, держит один из всадников, несущихся впереди него, а другой привязал осла к седлу своей кобылы...

«Они убьют меня! О Боги, они хотят меня убить...»

Упав на осла, он стиснул коленями несчастную скотину и закрыл глаза, чтобы не видеть, как мелькают по сторонам ветви деревьев. Одна из них сорвала с него шапку с бубенцами, другая больно хлестнула по лицу... Но это длилось недолго. Захрипев, осел упал, не продержавшись и нескольких минут, а Шут вылетел вперед и еще какое-то время собирал ухабы на лесной тропе, пока его мучитель – он так и не разглядел, кто именно, – не выпустил из рук веревку.

Время замедлилось...

Он смотрел на мокрую черную землю у себя перед носом... на мелкие камешки, обломок ветки с парой листков и большого муравья, который полз по ней... на собственные грязные пальцы... Отрешенно думал, что, должно быть, ночью здесь прошел дождь. Всюду лужи, они

еще не высохли, несмотря на яркое солнце... Оно все такое же яркое, и муравей спешит по своим делам... Жизнь продолжается, а значит, надо как-то вставать, идти назад в лагерь.

В конце концов он отполз в кусты и там сидел, пытаясь прийти в себя и унять дрожь, пока рог не возвестил о скором и успешном возвращении охотников. Отползать надо было подальше, но Шут понял это слишком поздно... Они не преминули отыскать его и убедиться, что дурак жив, разве только немного ушиблен и очень грязен. Неподобающе грязен для общества принца. По велению Тодрика рыцари подтащили Шута к озеру и долго смеялись, глядя, как Барх многократно окунал его, держа за шиворот: поднимал и снова, раз за разом, совал головой в холодную воду.

Шут не сопротивлялся. Он был не здесь. Он снова ехал в фургоне, снова видел, как рожает Дала, Виртуоз бил его по лицу и приговаривал, что настоящий мужчина должен терпеть боль молча, если уж он не смог ее избежать. И кричала публика, а он шел по канату над пропастью, чтобы опять – в тысячный раз – сорваться в бездонную темноту...

Шут смутно помнил, как его приволокли в лагерь, как один из лакеев лил ему в рот вино, как где-то на краю сознания дамы восхищенно славил принца, сразившего оленя своей рукой. Хвала богам, Шута они не видели... нет, не видели. Принц велел засунуть его в один из хозяйственных шатров, где тот, пьяный и мокрый, оказался забыт среди суматошно спящих слуг.

С охоты Шут вернулся только к утру, когда слуги разобрали шатры и повезли их обратно во дворец на телегах. Повезли вместе с ним, заботливо уложенным между мешком с овощами и свернутым в тук тентом для походной кухни. Шут плохо помнил дорогу, а минувшая ночь и вовсе выпала из его памяти, но одно он понял точно: никто не знал, что с ним случилось. Слуги полагали, будто он неудачно упал с коня во время травли, а дамы не видели его после забавной сцены с Бархом. За это Шут был благодарен принцу, если такое понятие вообще уместно. Конечно, Тодрик не по доброте душевной утаил правду о происшествии в лесу: он просто опасался навлечь на себя гнев старшего брата. Верно рассчитал, змей подколотный, что Шут, скорее, сделает вид, будто ничего не было, чем позволит другим узнать о своем унижении.

Кое-как выбравшись из телеги на хозяйственном дворе, он несколько минут просто стоял, прислонясь к столбу какого-то навеса. Мимо сновали работники и слуги, кудахтали куры, в двух шагах от Шута тявкали щенки, пытаясь вырвать тряпку из рук веселой чумазой девочки лет пяти. Жизнь здесь была совсем иная, чем обычно видел господин Патрик в богато убранных дворцовых покоях. Какая-то женщина прошла совсем рядом с ним, неся кадушку, полную парного молока. От его запаха у Шута еще больше закружилась голова: он понял, что ужасно голоден.

Поймав за рукав первого же мальчика-слугу, Шут велел хоть зарыться, но сию секунду устроить ему горячую ванну. Мальчишка попался дерзкий, однако смысленый, он хмыкнул и весело поинтересовался:

– А вы, господин Патрик, где ж так извозились? – темные глаза лукаво сверкнули из-под давно не стриженной челки. Волосы у парня были черные как сажа, а кожа смуглая – явно выходец из южан.

– Пастушек по лесу гонял, одну тебе хотел привести.

– Должно быть, прыткие попались! – парнишка весело рассмеялся. Шут взлохматил его шевелюру и, прихрамывая, поплелся к себе. По дороге он гадал, что за вожжа попала под хвост принцу и его друзьям.

Поднять руку на шута всегда считалось дурным тоном – так же, как на калеку, ребенка или монаха. Узнай о выходе Тодрика другие обитатели дворца, скандал вышел бы нешуточный. Конечно, принц и прежде пытался подпортить жизнь любимчику своего брата, но у него это получалось не слишком удачно: всякий раз Шуту хватало везения выкрутиться из неприятных ситуаций. И когда на него пытались «повесить» беременность одной из придворных дам, и

когда обвинили в краже драгоценного перстня у посла из Герны, и даже когда служанка нашла Шутовы золотые бубенцы под королевской кроватью... Почерк принца был легко узнаваем во всех случаях – фантазия у него не отличалась оригинальностью.

Еще проснувшись в телеге, Шут понял, что купание в холодном озере не прошло даром: голова стала тяжелая, свет ранил глаза и больше всего хотелось залезть в постель. А перед этим принять теплую ванну. Оказавшись в своей комнате, он с отвращением сорвал с себя лохмотья, в которые превратился костюм, и встретил служанок, притащивших большую лохань, в чем мать родила... грязный, расстроенный и дрожащий от холода. Бросая на господина насмешливо-жалостливые взгляды, женщины споро налили в деревянную ванну горячей воды, забрали то, что было его любимым нарядом, и быстро исчезли. Едва только они покинуть комнату, Шут со стоном залез в лохань и, закрыв глаза, растворился в блаженном тепле. Небесная Мать, неужели он дома, неужели этот кошмар закончился...

Не спеша оглядев себя, он понял, что все могло бы быть и хуже: хотя тело болело так, будто его долго и усердно пинали, синяков и ссадин оказалось на удивление мало, а лицо и вовсе не пострадало. Лишь царапина от ветки... Публике, конечно, стало бы только веселей, превратись Шут в урода, но сам он вовсе не желал себе такой участи: его работа требовала виртуозного владения лицом.

«Повезло, – думал Шут, смывая грязь и боль, – опять повезло... Надо бы попросить служанок принести побольше апельсинов, говорят, они помогают от простуды».

А потом он спал... Долго и крепко. И, когда проснулся, все случившееся казалось ему лишь страшным сном.

Но, едва открыв глаза, веки которых оказались болезненно тяжелыми и горячими, Шут с досадой понял, что простуда прочно вцепилась в него.

«И пусть. Зато отдохну от всех, не придется мне любоваться на довольную рожу Тодрика. Лишу его удовольствия поухмыляться исподтишка».

6

Барахтаясь в бредовых видениях, одно другого краше, Шут многократно оказывался лицом к лицу с принцем и каждый раз спрашивал: «За что? Ну за что?» Иногда ему снился Виртуоз, но все время в стороне, будто за невидимой стеной.

Теперь же, когда Шут, наконец, снова показался на людях, Тодрик словно забыл и о нем самом, и о потехе в лесу. Столкнувшись с Шутом, идущим из библиотеки, принц лишь равнодушно скользнул по нему взглядом. Его Высочество, похоже, вообще никого не замечал. Слуги старались не попадаться ему на глаза лишний раз, а дамы переключили свое внимание на других, более любезных ухажеров.

«Что-то случилось, что-то я пропустил... Нехорошо», – думал Шут, возвращаясь к себе в комнату. Он предпочитал быть в курсе всех дворцовых интриг, и обычно ему это удавалось без труда. Дураку ничего не стоит проникнуть за закрытые двери, услышать важный разговор. Кто воспримет его всерьез? Но после визита к Мадам Сирень Шут понял, что еще не готов окунуться с головой в клубок интриг, которые сплетались, пока он болел. «Еще денек, – сказал он себе, – еще один день передышки. Я лишь чуть-чуть наберусь сил».

Служба при дворе никогда не была простой, но Шут ни разу не пожалел о своем выборе. Несмотря ни на что, ему нравилось быть господином Патриком – непонятным чудаком, который никому не обязан объяснять свои действия, которому дозволено смеяться и плакать, говорить загадками и удивлять окружающих странными выходками. А главное – в Солнечном Чертоге был Руальд.

Разница в четыре года – это немало, но они всегда понимали друг друга, будто братья. Иногда король даже шутил: мол, не батюшкиной ли тайной любовницы ты сынок, господин Патрик? Шут смеялся. Они оба прекрасно знали, что король Берн не отличался большой любо-

вью к женскому полу и, кроме давно почившей дорогой супруги, никого не привечал, за что не раз был обсмеян дворцовыми мужчинами.

Но Шут и впрямь походил на Руальда – как если бы лицо короля отразилось в лесном ручье, обретя новые черты, близкие к прежним, но все же иные. Одень господина Патрика подобающим образом, он без труда мог бы выдать себя за брата Его Величества. И это была еще одна причина для братца истинного таить злобу на Руальдова любимчика. Тодрик всегда пытался встать между ними.

...Конечно, поначалу, когда Руальд еще был принцем, а Шут – тощим подростком, все выглядело иначе. Будущего короля забавляли выходки спасенного им мальчишки из бродячего балагана, ему льстили преданность и безусловная любовь найденыша. Но не более. Его Высочество видел в Шуте лишь занятную игрушку.

До того дня, пока не скончался король Берн.

Болезнь короля была долгой и мучительной, недуг медленно пожирал его изнутри, лишая воли к жизни. К концу своих дней Его Величество стал худым и желтым, точно высохшее за зиму медовое яблоко. А зима, между тем, и в самом деле близилась к концу. Король не дожил до весеннего праздника лишь два дня.

Когда поутру лекарь Вильяр обнаружил, что монарх мертв, Шут узнал об этом в числе первых. Сам он почти не общался с королем: Берну уже давно было не до шуток... Но в то утро личный слуга Его Величества не сумел донести до монарха завтрак, за которым отправился на кухню в обычное время. Пожилой лакей оскользнулся на масле и так неудачно упал, что разбил себе нос. Пока поварихи, сокрушаясь, приводили беднягу в чувство, матушка Тарна поймала первого попавшегося, кто мог доставить завтрак королю.

Шута, который сидел на кухне и доедал свежую булку с медом.

Не слушая протестов, мол, «я ж не слуга, я дурак», она вручила ему поднос с жидкой овсяной кашей, сваренной на воде, и велела нести немедленно. Шут, куда деваться, понес. Он вовсе не горел желанием попадаться на глаза желчному и злому Берну, которого с некоторых пор опасались даже сыновья. В последние недели король стал особенно плох и раздражался по малейшему поводу. Он уже успел прогнать со службы пару лакеев и одну недостающе расторопную служанку... Быстро шагая к покоям короля, Шут вспомнил одну короткую молитвочку, которой его научили девочки- послушницы при храме святого Ваария. А потом для пушей надежности тихонько прошептал несколько строк из волшебной песенки Далы.

Но его опасения оказались напрасны.

Двери в опочивальню короля были распахнуты настежь, и бледный лекарь как раз выходил в гостиную, что-то взволнованно объясняя советнику. Увидев Шута, он зажмурился, как от боли, и негромко произнес:

– Оставь это, Патрик. Король скончался...

А потом Шут спешил за ними к Руальду, который только проснулся и был еще растрепанный, неумытый после сна... Белые волосы смешно торчали во все стороны, точно хвосты на шапке у Шута. Он слышал, как советник сообщил принцу о смерти отца. Видел, как тот, сжавшись от горя, точно дитя, закрыл лицо руками. Все знали – король умирал, но весть о его кончине все равно оказалась слишком тяжелой для наследника.

– Оставьте меня, – глухо прошептал Руальд и, увидев, что советник все еще мнется на месте, рывкнул громче: – Оставьте же!

Они ушли. Все, кроме Шута, который звериным чутьем понял, что принцу сейчас нужно не одиночество, а плечо, на которое можно опереться. На которое не стыдно опереться наследнику трона.

Он долго сидел подле короля и слушал, слушал о том, каким был король Берн... Каким чудесным отцом, каким мудрым правителем... Шут ничего не говорил. Он, мальчик-сирота,

никогда не знавший своих родителей, просто приткнулся дрожащему от бесслезного плача принцу под бок, навсегда впитывая его боль.

Только несколько лет спустя Руальд признался ему, что это живое тепло стало для него источником силы, которая позволила смириться с утратой и осознать себя новым королем. А еще – увидеть в смешном подобрыше самого близкого человека.

7

Шут проснулся, когда солнце уже поднялось высоко над крышами и воробьи в ветвях старого дерева громко чирикали о своих птичьих делах. Окно было приоткрыто, и их звонкий говор наполнял комнату вместе с солнечным светом. Яркие лучи, струясь сквозь зеленое кружево кленовых листьев, дарили нежное тепло последних дней лета.

«Какое славное утро, – подумал Шут, стряхивая остатки сна и выбираясь из постели. – В такой день обязательно должно произойти что-нибудь хорошее».

Он решил не терять времени: привел себя в порядок, крутнулся пару раз на перекладине и, следуя старой привычке, покинул спальню через окно. По замшелой стене с выступами вековых булыжников Шут спустился в сад и направился напрямик к Дамской беседке. Ожидания его не обманули: три фрейлины и пара загостившихся дворяночек уже устроились на мягких подушках и, попивая сладкое вино с пирожными, вели оживленную беседу. Их голоса, подобно птичьему щебету, были слышны издалека. За бормотанием ручья Шут не разобрал ни слова, но по высоким нотам ему сразу стало понятно: разговор идет не о прическах и способах шнуровки корсета. Он подобрался ближе и без труда спрятался за живой изгородью, мимолетно порадовавшись, что одет в простые штаны и камзол. Звон бубенцов сейчас был бы некстати.

– Нет, Арита, ты не можешь так говорить! Элея – законная жена нашего монарха, и мы должны чтить ее! – Наигранно возмущенный звонкий голосок принадлежал, кажется, старшей дочке барона Дарма. Той самой, что лишь недавно была принята в свиту королевы. Имя ее Шут если и знал, то забыл, ибо невзрачная девица ничем не выделялась из целого сонма интриганок, отирающихся возле Ее Величества.

– Уволь, дорогая. Может, я и грубо выразилась, но все знают, что Элея не способна подарить наследника королю. Тодрика это, конечно, устраивает, а вот Руальда – вовсе нет!

Аккуратно отодвинув ветви куста, Шут увидел собеседницу баронессы: молодая графиня была хороша собой – с яркими глазами, сочными губами и изящно очерченным овалом лица в завитках каштановых кудрей, – но на его вкус в ней всего было «слишком». Ариту не так давно выдали замуж за графа Дивенского из Западного удела (влиятельного, ох какого влиятельного человека!), и теперь она полагала, что может позволить себе говорить любые дерзости.

– Девочки, но что же будет с нами! – подала голосок фрейлина Анна, тоненькая и большеглазая, как лань. – Нет, нет! Все это ложь, и мы не должны... – Юная красавица была ужасно взволнованна.

– Молчи, дура, – Арита фыркнула и бросила в нее плюшкой. Все засмеялись, когда булочка угодила Анне в красивую островерхую шляпку, испачкав ее джемом. – Я бы на твоём месте не прятала голову под одеяло, а узнала как можно больше и подготовилась. Фрейлины всем королевам полагаются, и этой новой тоже нужно будет с кем-то вышивать.

На глазах у Анны выступили слезы:

– Ты злая! Ты не любишь Ее Величество! – у девчонки задрожали губы, и Шут понял, что еще пара слов – и начнется истерика.

– А ты-то любишь, можно подумать! Вот те на! А кто мне говорил, что она скучна, как прошлогодний наряд? Кто хотел стащить у нее серебрястые нитки из Кура? Кто страдал, что балов мало? Скажешь я? А?

Анна разрыдалась и закрыла лицо руками.

– Злая ты, Рита, это правда, – вздохнула младшая сестра графини Ния, не столько красивая, сколько умная. – Я Анну понимаю. Если все эти слухи – правда, добра нам ждать не стоит. Неизвестно, что там за принцесса... Но с чего вы взяли, будто король в нее действительно влюблен? Не уверена, что это правда.

– Конечно правда! – Арита, в каждой нарядной юбке видевшая соперницу, распалилась и в этот момент больше походила на злобную кошку. – Мне сам капитан Дени сказал, а он, как вам известно, прибыл вместе с авангардом короля! И еще он сказал, что она прехорошенькая, наша рядом с ней не стояла!

«Так вот в чем дело... – Шут закусил губу и глубоко вдохнул, пытаясь унять непонятную боль, внезапно стиснувшую сердце. – Короля обвиняют в измене! Почти открыто, не страшась наказания! Это слишком дерзко, чтобы быть ложью. О боги... бедная Элея. Но как он мог?! Или все-таки ложь?..»

Шут уже хотел уйти, когда услышал голос пятой девушки.

– Арита права, нам надо подготовиться. Мы должны стать такими сахарными, чтобы королеве не нашлось, за что срывать на нас обиду. А если Руальд подаст прошение о расторжении брака... Мы должны стать еще слаще с новой королевой! Не знаю, как вы, а я не желаю терять свое место!

«Ах вы маленькие, гнусные змеюшки!» – Шут стиснул кулаки и отступил в сторону, чтобы потихоньку покинуть свое укрытие, но в последний момент передумал. Вместо этого встал на четвереньки и, истошно голося фальцетом, выбежал к фрейлинам. Оказавшись в беседке, он брякнулся на колени, вцепился в подол Аритиной юбки и запричитал:

– Ой, мама моя, мамочка! И что же это такое делается! – Изумленные девушки застыли с широко распахнутыми глазами. – Рушится все, рушится! Конец нам всем пришел! – Точно припадочный, он вздрогнул всем телом и, закрыв глаза, сломанной марионеткой повалился на спину. Фрейлины смотрели на шута, онемев. Потом баронесса, чье имя Шут забыл, тревожно спросила:

– Что это с ним? – Она еще плохо знала повадки дворцовых жителей.

– Паясничает, что ж еще. – Арита пришла в себя первой и небрежно двинула Шута в плечо носком туфли. – Эй, Пат! Вставай, хватит дурачить нас.

Шут приоткрыл один глаз и остекленело уставился на маркизу, а потом отчетливо произнес тонким голоском блаженного идиота:

Время новое грядет –

Берегись, красавицы!

Скоро станет ваш черед

По домам отправиться!..

Он широко ухмыльнулся и стремительно вскочил на ноги, умудрившись в едином движении отвесить дамам поклон.

– Простите, спешу! – Легко сделав сальто назад, Шут выскользнул из беседки и поскакал прочь.

«Новая королева, значит! Ну, это мы еще поглядим!»

Покинув сад, он направился к капитану королевской гвардии, которого – так сложилось – знал достаточно хорошо. Гвардейцы были основной защитной силой короля. Армия, конечно, тоже существовала, но, по правде сказать, больше для виду: Закатный Край давно ни с кем не воевал. Все ближние королевства уже пару веков как заключили меж собой соглашение о мире: Шерми, Герна и Феррестре спокойно соседствовали с Закатным Краем, вели взаимовыгодную торговлю и подозрительно поглядывали только в сторону Диких Земель, к которым относился и Тайкурдан. Так что армия в Золотой носила номинальный характер, чего нельзя

сказать о гвардейцах, которые днем и ночью оберегали покой короля под предводительством своего легендарного капитана.

Шут знал: если уж добиваться правды, то именно у него. Дени Авером был известен при дворе как человек невероятной честности. Врать и выкручиваться он не любил и не умел, поэтому, когда не желал что-то говорить, попросту молчал. За свои полсотни с лишним лет капитан не нажил ни жены, ни детей, ни даже поместья какого захудалого, зато его гвардейцы были гордостью короля. Дени творил их по своему образу и подобию: служение короне превыше жизни. Эти вышколенные ребята своего капитана уважали, многие называли отцом, хоть и не все: не всем была по нутру железная дисциплина, да и честолюбцев, охочих до выслуги, всегда хватало. Таких, что о внешности своей пекутся больше, чем об остроте клинка. В гвардии они надолго не задерживались, если только не имели за спиной родственников с тугими кошельками и высокими связями.

Насколько было известно Шуту, именно в необходимости мириться с этими отпрысками богатых фамилий крылась главная печаль капитана Дени, который мечтал видеть гвардию цельной и сплоченной. «Как можно полагаться на гвардейцев, если из них едва ли не треть – дерзкие сынки родовитых дворян, полагающие, что им все позволено? Что гвардия – это просто шанс блеснуть перед Его Величеством и даже пролезть в фавориты. Разве они готовы до последнего вздоха защищать своего короля?», – восклицал Дени. Шут разделял сомнения капитана, да и в целом отношения у них были дружеские. В отличие от большинства придворных, Авером никогда не относился к Шуту как к дураку: он не умел врать сам, но и чужое при творство вычислял с первого раза. «Мне, – объяснял он, – по долгу службы положено людей насквозь видеть. Я бы много чего мог порассказать о каждом, кто столуется у нас во дворце». Он мог бы, да...

Одно было странно: от какого помрачения капитан вдруг стал делиться новостями с Ари-той? Впрочем, эта-то и совет – не дорого возьмет.

Шут нашел Дени в казарменном зале собраний, где тот проводил очередную нравственную беседу с молодыми рекрутами, готовыми принять присягу. Проскользнув в комнату, Шут беззвучно прикрыл за собой дверь и присел на лавку, которую почти скрывала густая тень от высокого стеллажа с тренировочными мечами. Кандидаты в защитники королевской семьи стояли перед капитаном ровным строем и едва сдерживали радостное возбуждение. Похоже, именно в это утро мальчишки получили свою парадную форму – черные с золотым кантом мундиры – и очень гордились ею.

Главный гвардеец Закатного Края был среднего роста, поджарый и крепкий. Его почти седые волосы, коротко остриженные чуть ниже ушей, резко контрастировали с загорелой темной кожей лица. Прямые узкие губы, чуть кривой нос и длинный шрам на правой щеке – облик воина...

– Так вот я вам еще раз повторю, – Авером прошелся вдоль шеренги новичков, потрясая тяжелым знаменем гвардии, – это – не просто тряпка на шесте! Это ваша честь, ваша клятва, ваше имя! Через два дня вы не просто будете целовать это знамя, вы присягнете короне, а это, мальчишки, не шутка. Поэтому я вас еще раз прошу: подите прочь, если думаете, что служба в гвардии – это красивая форма и девки в соплях от восхищения вашим бравым видом. После присяги вы станете людьми короля, его защитой, опорой и щитом! Раз и навсегда. Уяснили? Можете быть свободны. – Дени отвернулся от мальчишек и направился к Шуту, прогоняя с лица суровость. – Ну здравствуй, господин Патрик. Ты, говорят, болей изволил?

– Было дело, капитан. Уже, как видите, здоров. А вы сами?

– А мне чего? Я, брат, отродясь ничем не хворал, – Авером заботливо прислонил знамя к стене и сел на соседнюю лавку. – Вот, разве что, заработал синяков накануне, решил, так сказать, лично проверить навыки старшего состава...

Шут улыбнулся:

– Надо полагать, они вас не разочаровали.

– Нет, друг мой, нет, очень даже хороши ребятки! Но довольно, – Авером стал серьезен. – Ты ведь о сплетнях узнавать пришел, так?

Шут не спешил говорить, он почесал согнутым пальцем переносицу, поглядел на Дени пристально и как бы нехотя кивнул. Взгляд капитана стал тяжелым, на лице его разом обрисовались все морщины:

– Правда это, Патрик, – горечь в голосе Дени сказала Шуту больше, чем сам ответ.

Некоторое время они сидели молча.

– Расскажите мне, капитан, – он твердо посмотрел в глаза Аверому. – Я должен знать.

Капитан не стал спрашивать, почему это ему надо отчитываться перед придворным шутом. Слишком хорошо они понимали друг друга.

– Расскажу, Патрик. Только вот знамя на место отнесу, а потом мы с тобой прогуляемся. Не доверяю я дворцовым стенам. Вот по возвращении... имел беседу с советником в его башне, а сегодня весь город знает с какими, так сказать, результатами наш король вернулся из дипломатического похода в сопредельные земли. А ведь советник божится, что никому и словом не обмолвился о нашем разговоре. И я имею все основания ему верить.

– Да бросьте, капитан! – Шут помог Дени пристроить знамя в специальной нише. – Не вы один глаза имеете, с вами во дворец, как я понимаю, прибыли и ваши гвардейцы. Они, небось, тоже не слепые. Кстати, когда вы вернулись? Я с этой простудой совсем от жизни отстал.

– Да уж дня три как. Но, поверь, Патрик, мои парни даже половины того не знали, о чем мы с советником говорили. А теперь каждая кухарка норовит меня поймать за плащ. И ладно, если б они вели старого Дени в свою кладовочку... Нет, друг мой, эти вероломные создания забрасывают меня расспросами. – Они покинули гвардейский двор и по молчаливому указанию Аверома направились к крепостной стене. – Дескать, правда ли вы, наш дорогой капитан Дени, видели тайкурскую принцессу, голышом танцующей в лесу? Каково, а мальчик? Бабий треп! Уверяю тебя. Гораздо хуже то, что все в курсе намерений короля привезти девушку тайкуров сюда... Вот этого как раз никто не мог знать, кроме меня и советника... да еще двух моих парней, но они придут в Золотую вместе с Руальдом. К празднику Начала Осени.

Шут задумался.

– Значит, это действительно правда, – промолвил он, хотя поверить в такой расклад дел было почти невозможно. Капитан мрачно кивнул, оглябая стайку озабоченных служанок, спешивших в сторону большой купальни для господ. Одна из них приветливо кивнула Шуту, однако тот не ответил, совершенно потрясенный новостями. – Но почему вы решили, что это именно ваша беседа дала основу для сплетен? Слухи летают на быстрых крыльях. А в Тайкурдане, я думаю, уже все в курсе намерений их принцессы.

– Нет. В том-то и дело! – Дени сердито дернул скулами, не позволяя себе более явного проявления гнева. – Руальд не хотел лишних толков раньше времени. Он планирует ее приезд не раньше конца осени. – Шут видел, что гвардеец, может, и не подает вида, но сильно казнится из-за сплетен, ползущих по дворцу.

– Да какая разница, капитан. Слухи летают. Не вините себя, – сам он постарался скрыть, как тошно ему стало от последних слов гвардейца.

«Не раньше конца осени... Нет, это похоже на сон, на бред, этого не может быть. Руальд всегда был так добр к Элее, я-то знаю, я видел». Он шел за капитаном к стене, не замечая ничего вокруг. Последние надежды рухнули, слухи оказались правдой. Вокруг кипела жизнь, но Шуту казалось, мир замер и раскололся глухой тишиной. «Бедная королева! Каково же ей сейчас?» – он стиснул веки со всей силы, как будто, закрыв глаза, можно было спрятаться от разверзающейся под ногами пропасти.

Замок Солнечный Чертог был стар и крепок. Центром его являлся дворец с высокими шпилями и стрельчатыми окнами, окруженный сначала пышным садом, затем Внутренним городом и, наконец, мощными укреплениями высокой Небесной стены, имеющей семь башен по углам на равных расстояниях. Сейчас, в мирное время, ворота крепости были открыты и попасть внутрь почти без помех мог любой желающий. Внутри стен протекала своя, особенная жизнь: здесь был маленький рынок, харчевня, постоянный двор, лавки мастеров, небольшая церковь – все, как в городе, над которым возвышался замок. С одним только отличием: каждое заведение у подножия дворца несло на себе печать непосредственного служения короне. Ремесленники в лавках получали заказы на посуду для короля, свечи для короля, оружие для короля... И оплату за работу им выдавали не по факту выполнения поручения, а раз в две недели, как наемным работникам. На постоялом дворе жильцы не платили за комнаты, ибо являлись либо слугами гостей монарха, либо самими гостями очень мелкого сословия. Нужно ли говорить, что эти же гости посещали харчевню, где цены были в два раза ниже городских...

А на Небесной стене несли стражу гвардейцы короля. Она поднималась высоко над землей и в тревожные времена всегда спасала жизнь обитателям замка. Имея глубокий колодец на территории Внутреннего города и неизменно полные кладовые, члены королевской семьи со всеми их приближенными могли не опасаться осады. Снаружи стена была почти монолитна и уходила в небо на высоту в полтора десятка человеческих ростов. Чтобы подняться на ее гребень по внутренней лестнице, Шуту пришлось отсчитать не менее сотни ступеней.

– Я понимаю, Патрик, тебе бы больше понравилось в саду вести беседы, но мне на стене как-то спокойнее, – объяснил выбор места капитан, когда они оказались на лестнице, в сумеречной прохладе башни. – Там точно никто не подслушает. Дворцовые шептуны знают все потайные щели в Чертоге, ну а на стене – я хозяин. Ни одна крыса мимо не прошмыгнет.

Не спеша они поднялись на верхнюю площадку лестницы, откуда узкая дверь вела на гребень стены. Высокие защитные зубцы, стояли так плотно друг к другу, что, скорее, были ее продолжением с узкими просветами. Зубцы доходили Шуту до самой макушки, они были темны от времени и местами обляпаны птичьим пометом. Шут не удержался от соблазна взглянуть на Золотую Гавань с высоты. Отсюда город походил на большую живую карту. К сожалению, время было не то, чтобы наслаждаться видами. Шут выжидающе посмотрел на капитана. Тот тоже стоял лицом к городу и, казалось, блуждал мыслями где-то далеко. Заговорил он неожиданно, по-прежнему не глядя на Шута, и голос его звучал глухо:

– Я всю жизнь посвятил короне. Не жалел ни сил, ни времени, ни любви. Я дал клятву и держал ее до сего дня. А теперь я не понимаю, что происходит. Король, которому я верил, как богам, потерял рассудок. Он потерял его, Патрик! Ты больше не увидишь Руальда таким, каким знал прежде. Нашего короля подменили, демоны забрали его душу... Это страшно, мой мальчик, это так страшно, что я больше не понимаю, кому служу – королю или марионетке в руках ведьмы...

Шут уставился на капитана в изумлении:

– Что вы имеете в виду?!

– Принцесса тайкуров – ведьма. Поверь мне, она околдовала короля. Руальд больше не хозяин своему уму. – Шут почувствовал, как, не взирая на теплый еще летний день, у него похолодели руки. – Я не знаю, что она сделала, но король на нее не надышится. А незадолго до нашего отъезда домой он велел сразу же по прибытии начать подготовку к появлению новой королевы...

Шут медленно съехал по стене на каменный пол. Руальд... смешливый, остроглазый, добрый король... Строгий к ответственным, милосердный к виноватым... Он взял Элею в жены, когда ей было всего семнадцать – чуть меньше, чем его любимому шуту. Это был брак по расчету, но Руальд очень скоро проникся нежностью к своей суженой. И пусть не было между ними огня страсти, но жили король и королева в согласии и понимании.

– И вот теперь, – продолжал Дени, – я в смятении. Долг велит мне выполнять поручение Его Величества и ждать новую королеву, а честь – защищать нынешнюю.

У Шута таких дилемм не было, но не было и идей, как вернуть разум Руальду.

– Королева знает? – спросил он у капитана.

– Знает, я лично рассказал ей все еще до встречи с советником. Пока ты болел.

Шут вспомнил их с Элеей встречу в библиотеке. Тогда он так и не понял толком, что она действительно была бледнее обычного и что в глубине медовых глаз затаилась боль. Зато теперь память отчетливо прорисовала все детали той встречи: движения королевы, ставшие непривычно резкими, слишком высокий голос, готовый внезапно сорваться... и его слепоту к чужой беде.

– Пойду к ней, – внезапно сказал Шут и решительно встал, спугнув двух голубей, присевших на гребень стены.

– Постой, Патрик! – Дени встревожено придержал его за рукав. – Будь осторожен, парень. Не пори горячку, не трепись о том, что узнал здесь. Постарайся вообще не раскрывать рта. Скоро все изменится, поверь мне, и, возможно, придворный шут окажется лишним, а то и неудобным. Подобно королеве.

Шут кивнул. Как ни кипело все внутри него, а капитан был прав. Незачем подставляться. Как знать, возможно, во дворце и впрямь развелись шептуны.

– Спасибо, капитан. Спасибо за доверие. Один только вопрос, – вспомнил он вдруг. – Я слышал, вы с леди Аритой общались о принцессе тайкуров. Рассказывали про нее...

– Да ничего я ей не рассказывал! – сердито воскликнул Авером. – Побойся Отца, Патрик! Она сама на меня налетела вчера как оглашенная: скажите, говорит, капитан, правда ли, будто принцесса тайкуров – красавица? И чуть не падает на меня всеми своими формами. А дело было у самой казармы... мальчишки там эти... Я и брякнул ей, чтоб отвязалась: мол, явно краше вас, леди. Надо полагать, она большого о себе мнения!

Шут хмыкнул. Да уж, Арита себя считала первой красоткой при дворе. А раз кто-то ее перещеголял, то уж точно это должна быть ну очень одаренная богами женщина.

8

Шут догадывался, что королева не проявит большого желания общаться с ним. Она и в добрые-то времена старалась его не замечать, а теперь и вовсе, должно быть, захлопнет дверь перед самым носом. Но... стоять в стороне он попросту не мог. И дело было даже не в чувстве долга – просто душа не позволяла оставаться равнодушным.

Он обошел полдворца, чтобы найти Элею. Выслушал два десятка сплетен, одна другой краше. Никто не мог сказать ему вразумительно, где изволит пребывать королева. Вероятно, Ее Величество действительно не хотели никого видеть и старательно избегали встречи с любым из придворных. Шут расстроился окончательно. Он понял, что поиски лучше временно прекратить и для начала успокоиться самому. Желая привести мысли в порядок, Шут решил уединиться ненадолго в библиотеке. Там ему всегда удавалось разложить по полочкам любую трудность и успокоить ум. Время, правда, уже было обеденное, но он даже думать о еде не мог.

Шут толкнул тяжелую створку высоких деревянных дверей библиотеки и, неслышно ступая мягкими туфлями, проскользнул к заветному креслу. Вернее, хотел проскользнуть, но замер, удивленный, на середине шага, да так и остался стоять с поднятой ногой.

– Патрик, иди паясничать в другое место! – королева столь яростно сверкнула на него глазами, что Шут невольно попятился. Но потом взял себя в руки:

– Ваше Величество, если вам так полюбілось мое кресло, не нужно гнать меня! Я могу сидеть и у ваших ног... – Он постарался поймать ее взгляд, чтобы Элея увидела, как искренни эти слова.

Тщетно.

– Твое, Пат?! Твое?! Это кресло – собственность Его Величества, так же, как и вся библиотека! – королева не кричала, но голос ее был замерзшим клинком – столь же ранящим, ледяным и хрупким, готовым сломаться в любой миг... Опасения оказались более чем верны: королева была в гневе. Королева была на грани слез. И меньше всего на свете ему хотелось сейчас препираться с ней.

– Ваше Величество... Элея! Выслушайте меня! – Шут понял, что тот момент, который он оттягивал столько лет, все же наступил. Он решительно шагнул к креслу и действительно опустился перед королевой на колени, а потом дерзко – о боги, как дерзко! – взял ее ладонь в свои руки...

«Святая Матерь, вложи в мои уста нужные слова!.. Молю тебя, не дай мне оступиться...»

Теперь она вся будто обернулась ледяным изваянием, и малейшее неверное слово стало бы последним камнем в стене их отчуждения. Бережно, точно крылья раненной птицы, держа тонкие холодные пальцы королевы, Шут, наконец, заглянул ей в глаза:

– Выслушайте меня... пожалуйста. Я шут, я глупец и дурак... А тогда я был еще и мальчишкой...

...Да, он был тогда мальчишкой, языкастым и безжалостным. Нет, не злым, просто слишком беспечным. Прожив лишь восемнадцать зим, Шут еще не до конца понимал, насколько глубоко может ранить хорошо отточенное слово или даже просто молчание... Иногда хватал лишку. Но ему прощали – что взять с дурака?

Тогда, как и сейчас, стоял конец лета, и весь город с восторженным замиранием ожидал свадьбы короля Руальда с принцессой Белых Островов. Она должна была прибыть в первых днях осени, но боги щедро посылали попутный ветер парусам судна, несущего принцессу из родного дома к берегам чужбины. В Золотую Гавань Элея прибыла аж на три дня раньше предполагаемого срока. Руальд, уверенный, что время у него еще есть, эти последние дни свободы проводил на охоте. Без дам, без кучи прихвостней, только с самыми близкими друзьями он забрался в лесные дебри и там наслаждался этим мужским делом. А Шут, который терпеть не мог вида крови, в то время слонялся по дворцу, как обычно слегка скучая без Его Величества. Отношения у них с королем тогда уже были совсем братскими, и поэтому, когда Руальд уезжал, дворец неизменно пустел для Шута. Он развлекался тем, что дразнил придворных дам, таскал на кухне сладкие пирожки, с высокой крыши кидал в заезжих рыцарей перезрелыми яблоками, играл с ребятей... А потом прискакал гонец с вестью, что корабль Белых Островов показался на горизонте.

Шут всегда со смехом вспоминал, какой переполох начался тогда во дворце. В считанные минуты покои принцессы были доведены до блеска, равно как и комнаты других почетных гостей из ее свиты. На кухне разом поставили на огонь все котлы, главный управляющий бегал по дворцу как ошпаренный, раздавая указания направо и налево. В тронном зале накрывали длинные столы и украшали его цветами. Потом была пышная встреча, опять цветы, везде цветы, горожане кидали их на дорогу перед кортежем принцессы. Когда почетная процессия добралась до дворца, Шут не преминул подойти поближе, чтобы составить свое мнение о невесте монарха. Он с любопытством разглядывал Элею из-за спин придворных дам, рыцарей, министров и прочих обитателей двора.

Принцесса не была яркой красавицей, но то, что она очень даже хорошенькая, отметили все. Волосы цвета осенней листвы, нежно-белая кожа, высокие скулы, медовые глаза – такая типичная для женщин ее земель внешность. Но при этом было в Элее что-то неуловимое, отличающее ее от тысяч других обычных девушек – в повороте головы, в улыбке, взгляде...

Ей отвели самые большие, после королевских, апартаменты с чудесным видом на гавань и тем же вечером дали роскошный прием в тронном зале. Приветствовать принцессу собралась знать со всего города. Как водится – музыка и песни до утра, вино рекой... Только пожи-

лой советник короля господин Пелья – мешковатый и будто присыпанный от старости легким слоем пыли – тихо ворчал: дескать, «какое позорище, невеста приехала, а встретить ее некому!». Слыша это, Шут понимал: ситуация в самом деле не очень красивая и Руальду влетит от советника по первое число. Даром что король. Принцесса же ни словом, ни взглядом не выказала обиды. Наверняка старик сделал все возможное, лишь бы Элея не подумала, будто ее не ждали. Шут и сам старался изо всех сил: делал умопомрачительные сальто прямо на столах, жонглировал посудой, пел смешные песенки и за весь вечер не обронил ни единой колкости в адрес вельмож. Лицо его было выкрашено черной и золотой краской в тон наряду, а приметные волосы убраны под колпак с бубенцами. Он был безлик и безымянен для принцессы, но жадно ловил каждый ее взгляд.

В глубине души Шут надеялся, что будущая жена Руальда, как и сам король, найдет его общество приятным и, может быть, тоже захочет играть с ним в «Престолы» или беседовать о книгах. Но поговорить с ней и понять, возможно ли это, Шуту никак не удавалось: вокруг принцессы постоянно вились придворные дамы, служанки, портнихи и ее собственные фрейлины с Островов.

На вторые сутки Элее были переданы цветистые извинения короля и его любимый медальон с изображением крылатого коня, вставшего на дыбы. Более десяти лет назад королева Даляя собственноручно надела медальон сыну на шею незадолго до своей смерти, и Руальд никогда не расставался с подарком матушки. До сего момента. Гонец сообщил также, что Его Величество будет в Золотой не позже чем к обеду следующего дня.

Шут, изведшийся от ожидания, возликовал.

А на следующий день он с огорчением понял, что его черно-золотой костюм с бубенцами требует немедленной стирки, и решил для разнообразия надеть обычный дублет. Впрочем... не совсем обычный. Это был подарок с королевского плеча, вещь, особенно дорогая Шуту: мягкая темно-синяя ткань, изысканная вышивка золотой нитью и знак короля на груди – такой же крылатый конь, что и на медальоне Руальда. Только члены королевской семьи имели право на этот знак, для остальных династический символ имел иное начертание: конь на плащах стражников и мантиях служителей дворца всегда изображался со сложенными крыльями. Но, когда Шут намекнул королю на это, Руальд лишь отмахнулся: «Ты же шут, все это знают. Ты мой смешной двойник. Тебе можно».

К дублету Шут выбрал белую рубашку с пышным кружевным воротом, над которым не один день трудились мастерицы. Он осмотрел себя в зеркале и решил, что выглядит если уж не королем, то принцем точно. От этой мысли ему стало смешно и грустно, ибо Шут понимал: благородных кровей в нем не больше, чем в бродячей собаке.

В ожидании, когда трубный глас возвестит о появлении Руальда, он гулял по дворцу и забрел в тронный зал. Огромные столы были сдвинуты к стенам, увядшие цветы выброшены, зал вновь стал торжественно-строгим и величественным. До следующего пиршества. Маясь от безделья, Шут бесстыдно залез на трон и стал выдумывать разные новые прозвища для особенно неприятных обитателей двора. Дело это было непростое, ибо требовало тщательного осмысления каждой персоны. Шут увлекся и не заметил, как боковая дверь недалеко от трона со скрипом отворилась. Послышалось испуганное «Ах!», и он, вздрогнув от неожиданности, увидел принцессу...

Элея смотрела на него во все глаза, растерянная и смущенная.

– Ваше Величество?... Как?! Вы уже вернулись! Никто не доложил мне! Я так ждала нашей встречи... – она путалась в словах и стремительно краснела, тонкие светлые брови жалобно изогнулись острыми уголками.

Шут онемел. То, над чем он посмеялся утром, обернулось нелепой правдой для юной принцессы, которая ни разу не видела короля вживую, а уж придворного шута и вовсе не

узнала без маски. Он хотел было представиться ей и познакомиться наконец, но зачем-то сделал совсем другое...

Шут встал и отвесил церемонный поклон:

– Рад видеть вас, Ваше Высочество! Большая честь для меня!

Зачем он произнес эти безумные слова? Шут не знал... Но они стали той точкой, от которой течение судьбы навсегда поменяло направление.

Принцесса все-таки взяла себя в руки и также поклонилась ему по всем правилам этикета. Шут засмотрелся на нее: такое нежное, почти детское лицо, изящные кисти рук... Фигурой Элея была под стать Руальду – стройная, высокая, уж точно выше его самого на пару пальцев. Шут откровенно любовался принцессой.

Впрочем, Элея тоже успела изучить «короля».

– Ваше Величество, вы не очень походите на свой портрет... – она вновь смутилась. – В жизни вы... как будто моложе.

Еще бы он походил на Руальда, обладателя гордого профиля и мудрого взгляда! Он... шут, мальчишка из бродячего балагана.

И тут бы опомниться ему, закончить это представление, но судьба уже несла Шута, и он не мог остановиться.

– Нет, это вы прекрасны, принцесса! Я совершенно очарован вами!..

Конечно, она была мила, и Шут не врал, но на самом деле он вовсе не желал очаровать невесту короля. Нет... Шут играл. И эта безумная игра была пьяней вина, слаще поцелуя... Ибо ему не нужны были нежные губы принцессы, он жаждал чего-то иного, что и сам не смог бы выразить словами.

– Ваша Светлость, но как вы оказались здесь? Глашатаи не трубили... Я ничего не понимаю!..

– А у меня есть свои секреты! И тайные ходы, – он улыбнулся ей так, будто распахнул всю душу настежь, и принцесса вдруг звонко рассмеялась, отбросив смущение.

– Знаете, а я боялась, что вы окажетесь... скучным! И... слишком серьезным! А вы такой... удивительный...

Шут тоже рассмеялся и подхватил ее, закружил в танце под мелодию, которая звучала у него в душе. Это было так весело, так легко и так естественно, что Шут забыл, кто она... и кто он. Опомился только, когда Элея вдруг обвила его своими тонкими руками и горячо шепнула в самое ухо: «Ваше Величество, как я рада, как рада, что мы будем вместе!»

Шут внезапно очнулся. Попятился, глядя на нее испуганно. И в этот момент, наконец, запели фанфары, возвещая о прибытии короля. А спустя пару мгновений распахнулась дверь в тронный зал:

– Ваше Высочество, вот вы где! Король будет во дворце через несколько минут! – пожилой советник низко поклонился ей, сверкнув лысеющей макушкой, по краям которой свисали длинные пегие пряди, а потом небрежно кивнул Шуту, который не знал, куда прятать глаза. – Вижу, вы уже познакомились с нашим придворным шутом. Надеюсь, он поднял вам настроение. Патрик, ты был мил с Ее Высочеством?

– О да, господин Пелья, он очень забавен, – по голосу принцессы невозможно было понять, что она чувствует на самом деле, и Шут восхитился выдержкой Элеи. Больше всего на свете ему хотелось упасть перед ней на колени и вымолить прощение – он уже понимал, что сделал нечто непоправимое. Но принцесса уходила, о чем-то вежливо беседуя с советником...

Навсегда уходила из его жизни.

После он неоднократно пытался найти в себе решимость извиниться. И каждый раз что-то его останавливало. Шут сомневался. Он то вспыхивал страстным желанием покаяться и уже

почти добегал до ее покоев с цветами, то вдруг решал, будто королеве не нужны его глупые слова. И убеждал себя, что для нее же будет лучше не трогать прошлое...

Но теперь больше не было выбора. И не было времени на сомнения. Только ее холодная ладонь в его руках.

Шут понял, что дрожит. Воспоминания комом подступили к горлу, сердце стучало где-то в самой голове. Он выдохнул, глядя Элее в глаза:

– Ваше Величество... Простите меня! Молю вас... Поверьте, я не желал вам зла, я не хотел над вами посмеяться... – И он сбивчиво, боясь не успеть, боясь не суметь, стал рассказывать ей, как все было на самом деле. Рассказывать о своей радости от ее появления, об одиночестве, о наваждении, которое овладело им на троне короля Руальда. О том, что он всегда был ей предан. Он мог бы рассказать и больше. Он мог вывернуть всего себя, лишь бы она поверила ему... Даже отдать ей свое имя...

Но не пришлось.

Шут увидел, как лицо королевы постепенно утратило каменную непроницаемость, как наполнились слезами медовые глаза. Краешки ее бровей изогнулись кверху, а скулы резко выступили под кожей, когда Элея, стиснув губы, попыталась удержать эти слезы внутри. Но в этот момент она выглядела не слабой, как наверняка думала про себя, а напротив, более сильной, чем когда-либо приходилось видеть Шуту. Сердце у него сжалось в комок при мысли, что именно его жестокость, его глупый проступок стал причиной этой боли.

– Почему, Пат? – в ее взгляде отразилась мука. – Почему сейчас? Ты два года молчал, я была уверена – смеялся надо мной... Ты хоть понимаешь, что ты сделал тогда? Ты... – уголки губ королевы предательски задрожали, когда она захотела добавить что-то еще, но в последний момент передумала и лишь махнула рукою. А потом и вовсе отвернулась, прикрыв лицо ладонью, чтобы он не заметил ее слез, которые все-таки сорвались с ресниц хрустальными бусинами. Шут впервые видел королеву плачущей, и зрелище это было хуже любых ее самых жестоких насмешек.

– Я... Простите меня... Молю вас! – он вновь ступил на шаткий мост, где так трудно подобрать слова. Не ранить еще больше, не оттолкнуть... – Я не смел... Пытался, но... мне всякий раз казалось, сделаю лишь хуже. А сегодня... я просто понял, что не могу больше быть недругом для вас! Только не сейчас... – Шуту вдруг вспомнилась та девица в саду и ее холодные слова. Гнев накатил волной. – Ведь те, кого вы считаете друзьями... им же всем нет до вас никакого дела! Они думают только о себе! – Шута понесло. – И даже Дени нельзя доверять, он верен, как собака, но сам не знает, кому теперь служит. Возможно, лишь советник еще способен думать не только о своей шкуре, – Шут смотрел прямо в глаза королевы, всей своей душой стараясь дотянуться до нее, докричаться. Ведь если она не поймет сейчас, что ей грозит опасность, – все пропало. – У меня плохое предчувствие, Ваше Величество, ужасно плохое, мне аж дышать тяжело от него... А мое чутье никогда меня не подводило. Я боюсь за вас... Прошу, позвольте мне быть рядом с вами! Все время. Я буду спать у вас под кроватью. Я буду доедать из вашей миски. Я лишь дурак, но, если вы позволите, я найду способ защитить вас... хотя бы от насмешек. И от внезапного нападения.

Королева, несмотря на ее железную выдержку, выглядела изумленной до глубины души.

– Патрик... ты ведь даже драться не умеешь, не то что меч в руках держать. Да и... неужели ты думаешь, кто-то посмеет поднять руку на королеву?

– Не знаю, Ваше Величество. Ничего не знаю... Только мои предчувствия всегда сбываются.

Шут говорил истинную правду, ему даже не нужно было приукрашивать свои слова. Так уж повелось еще с детства: грядущие опасности частенько давали о себе знать странным, физически ощутимым предчувствием тревоги. И сейчас ему в самом деле было очень, очень скверно.

Элея вздохнула. Осторожно освободила свою руку из его ладоней, но, увидев умоляющий взгляд Шута, вымученно улыбнулась и вдруг порывисто взъерошила его непослушные волосы.

– Я не сержусь, Патрик... Я верю тебе. Но, полагаю, пока рано трубить в рога. Я дождусь Руальда. Что бы там ни говорил Дени, надо увидеть своими глазами, так ли все плохо. Если да – я сама обращусь к первосвященнику и потребую расторгнуть брак. Не желаю быть фигуркой на чьей-то игровой доске.

Шут с радостью наблюдал, как неуволимо, но совершенно очевидно она с каждым мгновением становится сильнее.

«Все-таки я сделал это... и давно мог бы. Всем было бы лучше... А в тяжелые дни так важно знать, что ты не один. Она теперь знает... Не сломается. Не дождется!»

Шут почувствовал, как легко ему стало, и даже тревога немного отступила. Он почти взлетел с колен и ослепительно улыбнулся.

– Вы не фигура, вы – Королева! – Легко кувыркнувшись назад, он приземлился на ноги, обернулся и поклонился ей так, что длинные волосы смахнули пылинки с пола. Элея кивнула:

– Спасибо, Пат. Спасибо... А теперь ступай. Мне нужно побыть одной.

Покинув библиотеку, Шут вернулся к себе.

У него было странное чувство, как будто с души сняли тяжелые оковы и она стала легкой, точно перышко...

9

На следующий день он, наконец, почувствовал голод и спустился на кухню – лучшее место, чтобы послушать свежие сплетни.

Одна из кухарок, совсем молоденькая рыжая проказница по прозвищу Перепелка, подала Шуту теплый хлеб и большую миску с кашей, как он любил: в золотистую овсянку, залитую медом, были щедро насыпаны орехи и кусочки сушеных фруктов. Шут с неожиданным для себя аппетитом съел все, не забывая держать уши открытыми. Но в это утро кухарки говорили мало: они тоже были встревожены и не знали, чего ждать от завтрашнего дня. До возвращения короля счет шел уже на часы. Впрочем, кое-что Шут таки услышал – свежие сплетни о Тодрике. Как оказалось, минувшую ночь принц провел в каком-то загородном монастыре. Наивные поварихи набожно закатывали глаза, плетя какую-то ерунду о проснувшемся в наследнике благочестии. Шут едва не подавился кашей, пытаясь не рассмеяться их богатому воображению – это Тодрик-то благочестивый?! Только главная хозяйка кухни, дородная матушка Тарна, хмуро покачивала седеющей головой: она, как и Шут, понимала, что все эти домыслы имеют мало общего с действительностью, но помалкивала, предпочитая держать свое мнение при себе.

Главная повариха была личностью приметной. «Я на кухне родилась, – бывало, с усмешкой говорила матушка Тарна, – на кухне и помру». И почему-то никто в ее словах не сомневался. Лет пятьдесят назад она появилась на свет – и правда едва ли не среди котлов. При них же и выросла, во всем помогая матери, а потом и сама получила место на кухне. Прошла весь путь от чистильщицы овощей до главной поварихи. Ее любили. За разумную строгость, за умение втолковать, что к чему, а главное – за доброту.

После завтрака Шут еще пару часов погулял по Внутреннему городу, но так и не узнал ничего нового. Все говорили только о скором возвращении Руальда да пересказывали сплетни про принцессу тайкуров. Он понял, что большего в этот день не добьется и возвратился к себе. Настроение было скверное, тревога внутри все нарастала, и ничего хорошего он уже не ждал.

Однако на этот раз Шут ошибся.

Едва открыв дверь в свои покои, он увидел на кресле новый костюм. Штаны и куртка были кем-то аккуратно развешены, и одного взгляда хватило, чтобы понять: мадам Сирень в очередной раз создала для него чудо.

Шут снял простой зеленый дублет и ополоснул лицо в умывальнике. Холодная вода освежила его и сделала мир чуточку лучше.

Он подошел к открытому окну и с наслаждением глотнул из бутылки ягодного вина, глядя в густую зелень старого клена, который задевал своими ветвями карниз. Среди листвы были густо разбросаны солнечные блики – словно кто-то усыпал темную крону яркими лоскутками цвета крыльев бабочки-медовницы. Шут любил это дерево и, когда был младше, частенько предавался мечтам, сидя в удобной развилке меж ветвей.

Вздыхнув, он поставил бутылку и медленно снял со спинки кресла обнову. Костюм был сшит именно так, как Шуту нравилось: красивый и изысканный, почти похожий на обычную одежду. Если бы только не золотые и алые вставки, придающие наряду нужное настроение, делающие его именно шутовским. И бубенцы. Совсем немного маленьких золотых горошин на рукавах и вороте. Кто их делал, Шут не знал, но эти бубенчики из запасов мадам Сирень больше походили на частицы музыкального инструмента – так они были мелодичны. Шут не спеша переделался и, сделав сальто назад, с удовольствием отметил, что на первый взгляд узкие и плотно облегающие штаны совершенно не стесняют движений, равно как и куртка с длинными рукавами. Он поглядел на себя в зеркало. Госпожа Иголка была права: выбранный ею цвет ткани и впрямь смотрелся недурно. Шут осторожно поднял левую руку, и бубенчики тихо зазвенели. Он состроил своему отражению смешную гримасу, однако двойник из зеркала не показался ему забавным. Да, женщины находили господина Патрика милым, но сам он так не считал. Шут обладал тонкими чертами лица, едва заметно вздернутым носом и губами, про которые баронесса Летти говорила: «будто всегда ждут поцелуя». Не Руальд, чего уж там... А так хотелось бы иметь более мужественный вид. Особенно теперь, когда в серых его глазах так отчетливо плескалась тревога.

«Я слишком насторожен, это заметит кто угодно. Нужно успокоиться, – он устало сел на кровать и обхватил голову руками. Чувство тревоги вновь накатило с удвоенной силой. – Скорей бы уже Руальд приехал!»

Шут всегда ждал короля с нетерпением, но в этот раз ожидание было приправлено горечью и страхом. Он понимал, что новая их встреча навряд ли закончится дружеской попойкой в королевском кабинете. И не будет Элея, как обычно, обзывать мужа винным кувшином, не будет внимательно слушать его рассказ о путешествии, подперев подбородок изящной ладонью, не попытается выставить Шута из кабинета...

«А что будет? Что нас ждет?»

В коридоре послышались шаги, и кто-то тихо постучал в его покои. Шут встал и решительно распахнул дверь, как будто за ней в самом деле мог оказаться пророк.

– Господин Патрик, велено передать вам послание от леди Ваппа, – мальчик-паж учтиво склонился и вручил ему небольшой конверт, запечатанный каплей воска.

Шут понятия не имел, кто такая эта леди Ваппа, хотя вообще-то знал всех обитателей дворца. Покрутил конверт в руках – странно тяжелый, пахнувший цветочными духами – и ничего не понял. Отпустив мальчика, он закрыл дверь и, опершись на нее спиной, сорвал печать. Внутри был тонкий лист, сложенный вчетверо... и ключ.

Шут развернул письмо и нашел в нем всего две строчки: «Будь осторожен. Дверь за комодом в ее спальне. Успей!» Он перечитал послание несколько раз, пытаясь убедить себя, что это не то, о чем он подумал. Но валять дурака перед самим собой глупо, поэтому Шут глубоко вздохнул, запалил свечу и позволил пламени жадно охватить бумагу. Когда в камине, куда он бросил горящий обрывок, остался только пепел, Шут запер дверь на засов и быстро принялся собирать вещи. Все самое важное он сложил в старый заплечный мешок: немного простой удобной одежды да увесистый кошель с монетами и кучей золотых безделушек, которые Шуту время от времени дарил король. Среди них имелись и дорогие... будет на что прожить в первое время. Одно только колечко с сапфиром из Герны потянет на хорошую лошадь.

Мешок он спрятал под кроватью, задвинув как можно дальше в пыльную темноту.

«Что ж, самое простое сделано. – Шут отряхнул мусор с рукавов и колен. – Или самое сложное... Не так-то легко расставаться с хорошей жизнью. А теперь пора проверить, куда ведет этот ход».

Не теряя времени, он направился к покоям королевы.

10

Шагая по коридорам дворца, Шут гадал, кто на самом деле послал ему конверт с ключом и запиской. Из всех обитателей дворца никто не мог быть автором послания: одни – по причине врожденной трусости и нежелания ни во что вмешиваться, другим вообще не могло быть известно о тайной двери, третьи никогда бы не подумали сообщить о ней какому-то дураку. Шут подозревал тайного советчика в корыстных интересах, не имеющих отношения к заботе о королеве, но они совпадали с интересами Элеи и – главное! – не тревожили интуицию Шута, а значит, стоило воспользоваться неожиданным подарком.

В том, что он пригодится, Шут почти не сомневался, и это было очень грустно...

Королевские апартаменты занимали целиком весь третий этаж дворцового западного крыла. Несколько спален, гостиная, столовая, кабинет – череда этих комнат была хорошо знакома Шуту. Здесь веками жили повелители Закатного Края и их семейства, сейчас же большинство из них пустовали, ибо молодые король и королева никак не могли обзавестись наследниками, фрейлины обитали отдельно, а давно взрослый принц Тодрик изволил занимать комнаты в южном крыле Чертога.

Днем в королевских покоях было тихо. Шут знал, что Элея ушла в храм и пробудет там до конца большого молебна. У входа в апартаменты, скупая, стояли два гвардейца с алебардами. Шут приветливо кивнул им и двинулся дальше так, будто имел все основания проходить в самую приватную часть дворца. Его, как обычно, не остановили, полагая, что таковое право у Шута и впрямь есть. Больше он никого не встретил – только маленькая круглолицая служанка старательно натирала бронзовые подсвечники в столовой. Руки у девушки были красными от холодной воды, но она, похоже, вовсе не грустила, напевала под нос незамысловатую мелодию. Шут тенью проскользнул у нее за спиной и вскоре оказался в большой опочивальне Руальда и Элеи.

Здесь роскошь достигала своего апогея: все вокруг было из золота и редких пород дерева, шелковые драпировки целиком скрывали каменные плиты стен, под ноги мягко стелился многокрасочный ковер из южных земель. Пахло чем-то дорогим и необыкновенно приятным. Шут тихо затворил за собой дверь и огляделся. Ему уже приходилось бывать здесь раньше, но давно – после свадьбы он не считал уместным заходить в эту комнату. Многое изменилось, но что именно, он не сумел сказать бы сразу... сама атмосфера опочивальни стала иной. Впрочем, это Шут отметил мимолетно, почти не задумываясь. Он сразу же подошел к массивному, почти с него самого ростом комоду из незнакомого дерева.

«Да, придется попотеть, чтобы это сдвинуть. – Шут со вздохом уперся плечом в боковую стенку и надавил на нее всем своим невеликим весом. Руки у него были сильные, а вот плечам ширины не доставало... – Только бы никто не вошел!»

Он даже не представлял, что будет говорить и как объяснять свое присутствие в столь неподобающем месте. То-то припомнят ему бубенцы под королевской кроватью! Комод двигался медленно, как будто не желал открывать свою тайну, но постепенно зазор между его задней панелью и стеной увеличился настолько, что Шут смог протиснуться в щель и увидеть искомое.

Дверца.

Совсем небольшая, окованная металлом и очень крепкая. Таковую скоро не сломаешь, если ключа нет.

Шут заметался: нужно было действовать, но в любой момент кто-нибудь из слуг мог заглянуть в спальню. Понимая, что рискует, он быстро запер двери на засов и снял со стены тройной канделябр. Потом отыскал у камина кремневые пластинки и зажег свечи.

Глубокий вдох. Узкая щель за комодом. Ключ провернулся со скрипом, но тяжелая дверца отворилась легко. Из темного проема дохнуло сыростью, и огонь выхватил из мрака узкий коридор, потолок которого терялся где-то за пределами света. Собственное дыхание показалось Шуту слишком громким в этом мрачном каменном скрытне.

Отсчитывая шаги по холодному гулкому коридору, он пытался понять, куда тот ведет, но вскоре многочисленные лестницы и повороты сбили с толку и со счета. Шут много раз поднимался и опускался, но опускался чаще, из чего сделал единственный вывод, что тайный ход уводит его куда-то за пределы дворца. Время от времени на пути появлялись отвороты, но они были значительно уже, и Шут сразу оставил помыслы исследовать их. Его путь был очевиден.

Он не знал, сколько прошло времени – не очень много, пожалуй, – но мысли о возможном переполохе у королевской спальни подгоняли Шута даже лучше, чем неприятный тонкий писк, доносящийся из боковых ходов. Наконец, коридор уперся в почерневшую от времени дверь. Шут отпер ее тем же ключом и осторожно приоткрыл, не зная, чего ожидать, – он мог оказаться где угодно. В узкую щель ворвался свежий воздух и запахи трав. С той стороны было сумеречно.

«Похоже на склеп», – подумал Шут, выглядывая из-за каменной колонны, скрывающей тайную дверь от глаз того, кто мог стоять снаружи. Почти тут же он убедился в своей правоте. Это действительно был маленький старый склеп с высокими узкими окнами под потолком. Они, конечно, не имели стекол, и ветер гулял по каменной комнате, разбрасывая всюду сухие листья. В пустом проеме узкого входа виднелись дрожащие на ветру ветви деревьев. Усыпальница уже стояла здесь в те времена, когда все эти дубы и клены были тонкими ростками. Она была очень, очень древняя. Шут сразу узнал загадочный орнамент на стенах и невысокую могильную плиту без надписей.

«Ба! Усыпальница Безымянного Короля! Значит вокруг – городской сад. Как хорошо!»

Он почтительно тронул потемневшую от пыли плиту, отдавая дань уважения усопшему, и только потом выглянул наружу.

Да, сад был именно таким, каким Шут запомнил его: старый и совсем запущенный. Он находился в городе, но уже за пределами Небесной стены, и это было главное. Жители Золотой называли сад Забытым. Когда-то давно, еще в первые годы правления короля Берна, он был очень популярен среди знати, но те времена прошли, и теперь заросшие тенистые тропинки привлекали в основном влюбленных... да еще бродяг, не имеющих лучшего места для ночлега. Много лет назад Шут и сам, бывало, находил приют под кустами этого сада.

Мальчишке с парой лошадей будет нетрудно спрятаться в густой чаще. И Шут уже знал, кого попросит о помощи.

Обратно он почти бежал. Из-за этого две из трех свечей погасли к тому моменту, когда Шут, тяжело дыша, добрался до королевской опочивальни. Дверца за комодом была по-прежнему приоткрыта, в комнате – тихо и пусто. Со стороны гостиной тоже не доносилось ни звука.

Шут быстро запер вход в каменный лабиринт и, поднатужившись, задвинул комод на место. Вернул канделябр на стену, а потом, открыв засовы на дверях в опочивальню, покинул ее тем же путем, что и пришел. На сей раз Шут не увидел никого до самого выхода из королевских апартаментов, где по-прежнему маялись от безделья гвардейцы капитана Дени.

Короля встречали помпезно. Цветы, флаги, музыка – все как положено. Молоденькие горожаночки из кожи вон лезли, лишь бы взглянуть на Его Величество. Взрослые поднимали

ребятишек на плечи, мальчишки постарше сами старались протолкнуться в первые ряды. В Золотой считалось очень хорошей приметой увидеть короля в праздничный день, особенно если ты загадал желание и хочешь, чтобы оно исполнилось. Это было старое поверье, и говаривали, что верней всего исполняются детские чаяния. Шут часто посмеивался на эту тему, советуя Руальду заказать несколько сотен своих портретов и развесить их в больших храмах. Король хохотал. Даже Элея улыбалась...

Шут смотрел на пышную процессию сидя на подоконнике в окне Восточной башни. Вглядывался в лицо любимого короля, пытаясь найти подтверждение страшным словам Дени. Руальд был таким обычным, смеялся и, не слезая с коня, начал громко рассказывать о приключениях в путешествии. Принц в новом белоснежном дублете с золотым кантом величественно вышел вперед, улыбаясь, сказал что-то брату и даже слегка поклонился. Шут сморщился и дернул щекой: его ни на миг не вводило в заблуждение показное радушие Тодрика.

Королевы в числе обступивших Руальдовы стремена не было. Она, как всегда, ждала его на парадной лестнице у главного входа во дворец. Шут с восхищением смотрел на ее спокойное светлое лицо, не омраченное даже тенью внутренних терзаний. Наконец, король сошел с коня и не спеша поднялся по ступеням. Его движения были полны истинного величия, и за церемонным целованием пальцев супруги Шуту не удалось разглядеть ни радости, ни небрежения. Обычный ритуал для придворных. И так хотелось верить, будто на самом деле все слухи – лишь злая выдумка, шум ветра в старых каминных трубах...

Не успели король с королевой скрыться во дворце, как небо потемнело. Шут взглянул на серую, почти черную тучу, уходящую далеко за горизонт, и понял, что скоро начнется настоящий осенний ливень. Он спрыгнул с подоконника на ступени узкой винтовой лестницы и медленно стал спускаться к жилым этажам. Сердце гулко стучало, подкатывая к самому горлу. Бубенцы робко звенели в такт шагам. Встреча неумолимо приближалась.

Внизу дворец напоминал разворошенный муравейник: придворные, слуги, гвардейцы, музыканты – все спешили куда-то, шумно обсуждали грядущий бал и приглашенных, жарко спорили. С королем прибыли гвардейцы, рыцари, менестрели, какие-то дворяне, их дамы, пажи, оруженосцы... Шуту казалось, что он преодолевает живой поток мыслей, чувств и желаний. В потоке этом было душно и хотелось наступить кому-нибудь на ногу.

Возле королевских апартаментов суета становилась тише: покой Его Величества охраняли неизменные воспитанники Дени. Один из них – исполненный чувства собственной важности юнец из нового набора – хотел задержать Шута. Он уже почти схватил дерзкого нарушителя за руку, но тот, как всегда, увернулся, и пятерня стражника сомкнулась в воздухе.

– Да брось. Ну его, – второй гвардеец, постарше, придержал товарища, готового ринуться за Шутом. – Это ж господин Патрик, ему можно. Его Величество разгневаться могут, если ты ихнего шута обидишь. Пусть себе звякает. Надо будет – тебя позовут его выкинуть. Да только ведь не дожدهшься.

Шут нервно ухмыльнулся и показал стражникам язык. Еще недавно он и в самом деле был уверен в своей неприкосновенности. Но после случая в лесу и новостей Дени... Нет, теперь стоило полагаться только на себя.

Он прошел через холл и гостиную к большой купальне, куда первым делом отправлялся Руальд, возвращаясь во дворец после походов. Монарх был верен привычке: вокруг просторной мраморной чаши, заполненной горячей водой, в беспорядке валялась одежда, включая бесценные золотые украшения, а сам Руальд уже обосновался в удобных изгибах ванны. Блаженствуя, король прикрыл глаза и потому не заметил, как на пороге возник его любимец. Шум внезапно начавшегося дождя заглушил тонкий перезвон бубенцов. В комнате стемнело. Слушая рокот первой осенней грозы, Шут молча рассматривал короля в сумеречном свете.

Он до сих пор удивлялся, как Элея могла принять его за Руальда. Ну да, какое-то сходство имелось, конечно, но... В понимании Шута повелитель Закатного Края был по-насто-

ящему, по-мужски красив, обладая всеми необходимыми королю чертами лица. В отличие от него самого. И в отличие от единоутробного братца Тодрика. У Руальда был прямой нос, высокий лоб, всегда гладко выбритый сильный подбородок и пронизательные голубые глаза. Волосы он носил как воин – чуть ниже ушей. Прямые и белые, точно снег, они являлись неоспоримым доказательством принадлежности к отмеченной богами династии Крылатых. Многих удивляло, что правящий король и его наследник-брат похожи друг на друга не более, чем день и ночь. Тодрика это приводило в бешенство. Он постоянно возмущался, доказывал, мол, цвет волос не главное для монарха. Его утешали: все равно не быть вам монархом, Ваше Высочество, если наследник появится. Потому и переживать не из-за чего. И никто не виноват, что вы в маменьку удались. Тем паче она была королева хорошая, даже не отравила никого. Стыдиться нечего.

За окном гулко и раскатисто громыхнуло. Руальд открыл глаза.

– О! Пат, – он радостно улыбнулся и с плеском уселся в ванне. – Здравствуй, здравствуй! О чем пошутишь, дружище? – Улыбка у Руальда была хорошая... В детстве, упражняясь с наставником в бое на деревянных мечах, юный принц пропустил удар и лишился половины левого верхнего клыка, отчего меж зубов у него навсегда осталась тонкая щербинка. Она не портила улыбки, лишь добавляла ей необычности.

Но теперь Шут этой улыбке не верил: голубые глаза Руальда оставались холодными.

– Да вот не смешно нам что-то, Ваше Величество... – наедине они давно уже обходились без титулования. Однако на сей раз Шут не знал, как себя вести и как обращаться к человеку, чей разум, может статься, и вправду помрачен.

– Отчего ж так? – Руальд, казалось, вообще не заметил напряжения в голосе любимца. Он усердно водил щеткой по большим загорелым бицепсам. Король Закатного Края был высок ростом и широк в плечах, не то что, к примеру, кривоногий Луд Пятый из Шерми... Шут молчал. – Ну, хорошо, не хочешь смешить – не надо. Расскажи хоть сплетню какую интересную.

– Да у нас тут одна интересная сплетня...

– Правда? И какая же?

Шут на миг прикрыл глаза. Ему было очень страшно, но оттягивать решающий момент не имело смысла.

– Про твою новую невесту, Руальд.

Он пристально взглянул на короля, но лицо того оставалось непроницаемым. Теперь уже король отвечал молчанием на немой вопрос Шута. Только щетка равномерно ходила туда-сюда по рельефным мышцам плеча.

Пауза затянулась.

– Это правда? – не выдержал Шут.

– Да.

«Да...», – внутри у Шута будто что-то оборвалось, а под ногами разверзлась пропасть. Мир остановился. И разрушился навсегда.

– Эй, что с тобой, Пат? – Руальд потянулся и, улыбаясь, взял из чаши с фруктами спелый персик. – Ты выглядишь так, будто это тебя я собрался заменить новым шутком. Лови! – Персик очертил дугу под сводом купальни и оказался в руке у Шута: Virtuоз накрепко вбил навик ловить все, что брошено и падает... Однажды поняв это, король частенько забавлялся: кидал что попало, безуспешно пытаясь застать Шута врасплох.

Неожиданно для самого себя Шут метнул персик обратно. Никогда раньше он не решился бы на такую дерзость... А фрукт между тем аккуратно впечатался прямо в высокий монарший лоб. Руальд изумленно тронул испачканное соком лицо и уставился на Шута. Трудно сказать, чего было больше в этом взгляде – гнева, недоумения или обиды.

– Да ты с ума сошел?! – Король медленно поднялся из ванны и, не обращая внимания на струи воды, стекающие с его тела, подошел вплотную к Шуту. Грозно возвышаясь над ним, Руальд судорожно стиснул тяжелые кулаки. Еще никогда правитель Закатного Края не смотрел на своего шута с такой злобой.

«Не прибил бы», – подумалось тому, но страха больше не было. После короткого Руальдова «да» физическая боль казалась Шуту наименьшим из зол.

– Ты кем себя возомнил, ничтожество?! – Руальд сгреб его за ворот так, что затрещала редкая ткань господина Бужо, и поднял над полом. Жалобно звякнули бубенцы.

Шут заглянул, наконец, королю в глаза.

Все слова, которые он так тщательно отбирал, все умные мысли, способные убедить Руальда, – все разом стало ненужным. Шут понял, что его любимого друга больше нет.

– Простите, Ваше Величество! – пискнул он. – Я промазал! Хотел попасть в воду, чтобы вас обрызгать... Просто обрызгать... водичкой... Простите дурака! Позвольте мне разбить все персики об эту гнусную рожу! – Шут растянул пальцами щеки и скосил глаза. Король ухмыльнулся и, отшвырнув его точно тряпку, вернулся в ванну. По-кошачьи извернувшись, Шут ловко упал на четвереньки и тоже засеменил к купальной чаше. – А я для вас песенку вспомнил! – И он во весь голос заблажил недавно подслушанные на рынке скабрзные куплеты про солдата и торговку. Вскоре Руальд начал хохотать, а к концу песенки и вовсе забыл о своем недавнем гневе.

Шут продолжал смешить короля и когда тот, закончив мыться, принялся раздавать поручения по поводу намеченных на вечер торжеств, и когда монарх выбирал наряд на праздник, и даже во время его короткой сдержанной беседы с королевой. Руальд не был груб с ней, о необходимости расторжения свадебных уз он говорил так, будто обсуждал детали своего вечернего туалета. Элея почти ничего не проронила в ответ. Шут тоже помалкивал: чутье подсказывало ему, что чем меньше слов слетит с его губ, тем лучше. Когда-то, только появившись при дворе, он вообще предпочитал работать только лицом и жестами, ибо был еще недостаточно умен и образован, чтобы рассчитывать на свой язык. Шутки, к которым он привык в своей бродячей жизни, не годились для дворцовых декораций.

А теперь любые слова были бы неуместны.

Они сидели в гостиной. Руальд смаковал вино, привезенное из похода, и забавлялся тем, что кидал в Шута косточки от вишен. Это было так на него непохоже, что Шут даже не обижался. А Элея в своем новом сумеречном платье казалась безмолвной статуей, вытесанной из мрамора. Король неспешно излагал ей причины, почему он не считает возможным их дальнейший союз. Собственно, главный аргумент был один – наследник. Вернее, его отсутствие. О новой невесте король не упомянул ни разу.

Пока Руальд говорил, Шут мучился вопросом: что же нужно было сделать с человеком, чтобы он из доброго друга и заботливого мужа превратился в такое вот чудовище со студеной водой в жилах вместо крови?

По словам Руальда все было просто: верховный первосвященник признает их венчание недействительным, Элея получит хорошую компенсацию золотом и будет предоставлена самой себе.

– Ты можешь вернуться к отцу, – предложил Руальд королеве. – Я прослежу, чтобы тебя сопроводили к Белым Островам со всеми надлежащими почестями. Но, если хочешь, оставайся в Золотой. Я найду для тебя чудесный особняк с садом. Или замок за городом. Дам лучших слуг.

«Что он несет? – думал Шут. – Замок за городом! Безумие... Так унижать ту, которой клялся в верности на всю жизнь!»

Элея встала.

– Довольно, – произнесла она. – Вели провести церемонию расторжения завтра. Я не желаю оставаться здесь ни одного лишнего дня, – с этими словами королева покинула гостиную.

А ведь еще два месяца назад в этой комнате звучал ее звонкий смех... Счастливая Элея кружилась у раскрытого окна, озаренная солнечным светом. Цветущая и золотистая от легкого загара, она танцевала, распустив свои осенние волосы, забыв о предписаниях этикета. Не помнил о них и Руальд: он весело пел и хлопал в ладоши, как делают это на пиру простые мужчины для своих любимых женщин. Шут наблюдал за ними украдкой, стоя за широкой темной портьерой. И было ему и радостно, и горько... Радостно оттого, что понимал чужое счастье. Горько оттого, что не имел своего.

– Привезешь мне диковинных бус? – Элея обвила мужа тонкими руками и заглянула ему в глаза.

– Зачем тебе бусы, птичка? Ты и без них самая красивая.

Король привлек ее к себе и запечатлел на устах жены полный страсти поцелуй. Губы у Элеи были красивые... В минуты, когда королева не изображала ледяную властительницу, они оказывались так очаровательно приоткрыты, будто Элея хотела что-то сказать, но не решалась.

Они с Руальдом никогда не выставляли свою нежность напоказ, и вид этого поцелуя заставил Шута поперхнуться уже заготовленной шуткой. Будто сунутый головой в ледяную воду, он стыдливо отвел глаза и, отпустив край портьеры, канул в темноту коридора для слуг, которым и пришел в апартаменты короля. Шут вовсе не намеревался подглядывать, просто так дойти было короче – и он воспользовался этим путем, спеша поделиться с Руальдом радостной новостью: в город прибыла знаменитая труппа Варлисса, о которой Шут столько рассказывал своему монаршему другу. Вообще-то этими коридорами дозволялось ходить только слугам, убирающим покои короля, но Шут, как обычно, сделал козью морду и проскочил мимо гвардейцев, которые не особенно-то его и останавливали. Все уже привыкли: господин Патрик шляется, где ему заблагорассудится.

Разве ж он знал, что королевской чете вздумается миловаться прямо в гостиной?

Шут сидел на полу в коридоре и не смел выглянуть обратно, опасаясь увидеть нечто совсем уж непредназначенное для чужих глаз. Казалось бы, что особенного – поцелуй... но лицо его все еще полыхало, будто и впрямь ополоснутое студеной водой.

Это было так недавно... Шут даже помнил холод каменных плит, проникающий сквозь тонкое трико его костюма, и улыбку Элеи, приникшей к груди мужа.

Он посмотрел на Руальда и решил заметить:

– Ваше Величество... будет война.

Шут знал: отец Элеи, нестарый еще король Давиан, костями ляжет, но соберет армию достаточную, чтобы покарать обидчиков. Жители Белых Островов пуще жизни ценили честь. На оскорбление дочери короля они могли ответить только одним решением – войной.

– Не будет. Я не так глуп, как ты полагаешь, – Руальд тоже поднялся из кресла. Его движения показались Шуту слишком нервными.

– Яд? – он постарался, чтобы голос звучал равнодушно.

– Разумеется, нет! – король смерил Шута небрежно-презрительным взглядом, какого никогда не имел прежде. – Это слишком очевидно. Я же сказал, у меня, в отличие от некоторых, голова, а не пареная репа. Твой король придумал кое-что поинтересней!

«О, Руальд... Так не может быть на самом деле... Я сплю! Это лишь дурной сон!»

Шут все никак не мог поверить до конца, что его друг способен говорить подобное. Но вслух он лишь спросил:

– Что ж тогда? Несчастный случай?

– Нет, Пат! Отвяжись, я все равно тебе не скажу: ты разболтаешь своим подружкам, а те доложат Элее. Нет уж! – Руальд выглянул в окно. – Наконец-то, тучи разошлись. Ночь будет ясная. Но нам пора на праздник! Скоро уже начало. Ты готов?

– Да, Ваше Величество. – Шут поклонился так низко, что успел разглядеть крошечную дырочку на своей мягкой туфле.

Направляясь следом за королем в тронный зал, он решил еще на один вопрос:

– А придворные? Когда вы сообщите им?

– Завтра. Сегодня все перепьются, к утру моим подданным будет ни до чего. Новость об уходе королевы покажется им незначительной по сравнению с головной болью.

«И капли в рот не возьму, – подумал Шут. – Наверняка Руальд велел добавить что-то в вино. К концу ночи даже повара и слуги будут бесчувственными валяться по углам. Но что же он задумал? Королева не мешок сухарей, в подпол не спрячешь. Хотя... Может, он и правда хочет посадить ее под замок? – мысли метались в голове у Шута, точно летучие мыши. – Кто может знать? Советник Пелья? Дени? Тодрик? Нет, вряд ли...»

Он спешил за королем, изо всех сил пытаясь понять, что происходит и как избежать беды.

– А если королева объявит о расторжении сегодня на празднике?

– Не объявит. Королева ненадолго почтит нас своим вниманием, у нее, знаешь ли, тоже голова разболелась.

«Когда он успел? Чем опоил?»

Шут окончательно понял, что времени на праздничные забавы у него нет.

12

В тронном зале собрался весь цвет общества, но по напряженным лицам и натянутым улыбкам Шут сразу определил, что верные подданные Руальда всерьез обеспокоены грядущими переменами. Сам он честно изображал жизнерадостного олуха: сыпал шутками и отвечивал поклоны каждому встречному.

Между тем Руальд занял свое место во главе длинного стола и велел начинать пир. Еды выставили умеренно, но Шут даже не взглянул на нее – его взор был прикован к монаршей чете.

Элея действительно выглядела неважно: бледная, с потухшими глазами, она односложно отвечала на какие-то бессмысленные вопросы супруга и даже не притронулась к роскошной пище. Вскоре, как и предрекал Руальд, королева вежливо простилась с гостями и покинула празднество.

А веселье только-только начинало набирать силу.

Шут в этот вечер решил не высовываться лишний раз со своими фокусами. Слушая сладкоголосых менестрелей и флейтистов, глядя на приезжих артистов с их эффектными, но далеко не новыми трюками, он каждой частичкой ощущал, как утекают минуты, когда еще можно что-то суметь сделать.

«Успей...»

А он по велению короля сидит у его стула, точно собачка в ожидании объедков.

Улучив момент, Шут попытался тихо выскользнуть из зала через малую дверь возле трона. Но прежде, чем ему удалось до нее добраться, никто иной, как Тодрик, заметил пропажу и указал на это королю. А тот, рассердившись, велел Шуту «прижать зад и не дрыгаться». Шут одарил принца полным ненависти взглядом, но почел за лучшее смолчать – в этот вечер он не имел права рисковать.

Приезжие акробаты между тем закончили свой номер и под возгласы одобрения уже изрядно подпивших дворян покидали площадку для выступлений в центре зала.

– А ну-ка, Пат! Покажи всем, что королевский любимчик не хуже прыгать умеет! – Руальд сверкнул глазами в сторону Шута, и тот быстро выбрался из-за стола. Прыгать – так прыгать. На то он здесь и имеется...

Едва начав поправляться от болезни, Шут немедленно вернулся к своим обычным обязательным упражнениям, которые выполнял каждый день с самых ранних лет. За время, проведенное в постели, он успел потерять форму, но к праздничному вечеру уже чувствовал в мышцах привычную силу.

И к тому моменту, когда Шут, весело гикая, доковыркался до площадки в центре зала, у него возникла отличная идея. Он старательно выполнил несколько зрелищных пируэтов и, сделав сальто прямо на столе, неуклюже упал в блюдо с заморскими фруктами. Это было до безобразия грубо и дешево... Но, когда финики и инжир брызнули во все стороны, возмущение одних гостей было заглушено хохотом других. Громко стелая, Шут сполз на пол и привалился к бочке с вином. Он изобразил на лице такое страдание, что только самые черствые люди могли бы продолжать глумиться над ним, но смех не стихал, гости тыкали в него пальцами и выкрикивали обидные слова. Пуще всех старался Тодрик.

«Пусть, – думал Шут. – Теперь уже все равно. Главное убраться отсюда».

Под лавкой возле него, терзая жирную кость, лежал крупный пес с порванным ухом. И, глядя на этого крупного немолодого кобеля, Шут с подумал, что и сам теперь – вроде такой собаки... Поджать бы хвост и уползти потихоньку.

Но прежде, чем он успел подняться на ноги, откуда-то вдруг возник давешний пилюльный лекарь. Присев рядом, старик спросил участливо:

– Что с вами, друг мой? – в его голосе не было ни тени насмешки, одна лишь искренняя тревога. Приятно, конечно, но присутствие этого пронизательного человека очень осложняло задачу.

– Нога! Я подвернул и вывихнул ее! – пискнул Шут и скривился от мнимой боли, молясь, чтобы лекарь не уличил его в обмане.

«Свалился ты на мою голову со своей заботой! Как мне быть, если ты всем скажешь, что я не только ходить, но и танцевать могу?»

Прикосновения рук целителя были на диво бережными. Пожалуй, если бы Шут и впрямь вывихнул ногу, эти узловатые пальцы не причинили бы ему большей боли.

Лекарь поднял глаза и встретился взглядом с Шутом.

«Нет! Молчи! Не смей выдать меня!»

– Да что ты там расселся, Пат! Вставай! – голос Руальда ударил кнутом. Но вместо Шута поднялся лекарь.

– Ваше Величество, господин шут не сможет больше выступать, он серьезно повредил ногу. Вам придется продолжать праздник без него. Позвольте мне помочь ему добраться до постели, – старик солгал так спокойно и уверенно, что Шут невольно восхитился.

«Почему он защитил меня? Почему не сказал Руальду правды? Ведь обо всем догадался, старый филин...»

Лицо короля исказила гримаса – отвращение, обида или... жалость?

– Проваливай, Пат! Ты сильно меня огорчил. – И он отвернулся от Шута, будто тот перестал существовать. – Музыканты! Давай повеселее!

– Идемте, господин шут. Я помогу вам встать. – Лекарь подставил ему свое плечо, и они медленно прошли через зал к широкой парадной двери. На пороге Шут обернулся: гости уже забыли о нем, половина пустилась в пляс, другие наслаждались пищей, заливая ее вином. Руальд о чем-то оживленно беседовал с министром финансов и издали казался совсем обычным.

«Прощай, мой дорогой король... Видят боги, я любил тебя...»

Набросив на боль толстое одеяло, он вышел прочь.

– Зовите меня Арханом.

Лекарь вел его мимо праздничной суеты в сторону западного крыла. Впервые за все время, проведенное во дворце, Шуту почему-то нестерпимо захотелось назвать в ответ свое настоящее имя. Он едва удержался.

– А меня зовут Патриком.

Лекарь коротко глянул на него и кивнул.

– Я знаю. Будьте осторожны, господин Патрик. И не теряйте времени, мой вам совет.

Последние слова заставили Шута вздрогнуть и иначе поглядеть на лекаря, но он так и не решился ничего спросить.

Когда они остановились у покоев Шута, Архан крепко сжал его плечо, за которое поддерживал всю дорогу от тронного зала:

– Берегите себя! И ее. Монастырь святой Ниены – ужасное место, – с этими словами он отпустил Шута и быстро удалился, оставив того в изумлении. Впрочем, на решение загадок времени не было: Шут теперь знал ответ на тот вопрос, что мучил его весь вечер, а действовать и впрямь следовало быстро.

Закрыв на засов дверь в своей комнате, он, не зажигая огня, вытащил из-под кровати мешок с вещами и через окно спустился в темноту ночного сада. Внизу, среди деревьев, было тихо, лишь ветер печально шелестел ветвями, да со стороны пруда доносилось пьяное хихиканье какой-то дамы и настойчивое бубнение ее спутника. Шут, стремительный и легкий, как тень, бежал под сенью густой листвы к хозяйственному двору. Его частое дыхание и едва слышимый перезвон бубенцов вплелись в мелодию ночных звуков.

«Только бы он тоже не упился... Только бы не испугался...» – В прошлый раз мальчишка показался Шуту достаточно смышленным и бесхитростным, но, как знать, не ошибка ли это.

На хозяйственном дворе веселье было в самом разгаре. Здесь никто не следил за манерами, не попрекал соседа слева за неаккуратное использование вилки, а соседа справа – за безвкусный наряд. Простые люди праздновали приход осени во всю ширь души: молодки отплясывали, не жалея ног, парни мерялись силой в поединке рук, слуги постарше без устали стучали кружками по столу, щипали за бедра хорошеньких и не очень девиц, а их жены ладно пели под аккомпанемент седого лютниста и время от времени отвешивали мужьям легкие затрещины, чтобы совсем-то уж не забывались, бесстыдники окаянные. Меж грубых деревянных столов сновали неизменные собаки и дети.

Шут поймал одного мальчишку за ворот, когда тот чуть не врезался ему в живот, с хохотом убегая от товарищей.

– Попался, – Шут легко подхватил маленького весельчака подмышки. Тот засмеялся еще пуще. – Ты откуда будешь?

– С кухни! – Крепенький мальчишка вертелся, как ужик, стараясь освободиться из сильных Шутовых рук. – Пусти! Мне пирога не хватит!

– Пущу, если подскажешь мне одно имя.

– Какое? – в широко распахнутых глазах зажглось такое искреннее любопытство, что свойственно только детям.

«Сын кухарки Велы, – узнал его Шут, – всеобщий любимчик...» Насколько он помнил, отца у малыша не было. Вела родила его незнамо от кого, и с парнишкой нянчилась вся кухня.

– У него длинные черные волосы, – быстро начал объяснять Шут сыну поварихи, – черные глаза, и он похож на вартау. И еще он мальчик, но вдвое выше тебя.

Поваренок на миг задумался.

– А! Это Хирга.

– Найдешь мне его – научу свистеть в кулаки! – Шут сложил руки чашей, как для молитвы, и сильно дунул меж больших пальцев. Звук получился высокий и чистый, будто из флейты.

- Ууу! Научишь? Правда?! – мальчишка аж запританцовывал от нетерпения.
- Веди.

Они нашли черноглазого Хиргу за дальним столом. Здесь уже все закончили ужинать, и рядом с юным слугой сидели только две девушки его возраста. Впрочем, они тоже наслаждались отнюдь не трапезой.

– И тогда его кобыла заговорила человеческим голосом! Она сказала рыцарю: если ты найдешь мне золотой травы, я обернусь прекрасной девой и мы с тобой поженимся! – Рассказчик несолидно шмыгнул носом и сделал глоток из большой глиняной кружки. Он уже хотел продолжить свое повествование, но в этот момент увидел подошедших и удивленно приоткрыл рот, когда узнал Шута.

Прежде, чем парень успел что-либо сказать, Шут приложил палец к губам и сделал страшное лицо. Потом он обернулся к малышу и быстро заговорил:

– Смотри, пальцы надо вот так держать плотно – и чтобы внутри было пусто, – а губы прижимаешь прямо к костяшкам. И дуй сильно! Сразу не получится, но потом поймешь! – Он подмигнул поваренку и обернулся к Хирге. Девочки теребили рассказчика, требуя продолжения, но черноглазый паренек уже потерял к ним всякий интерес и с легкой тревогой смотрел на господина Патрика.

Шут коротко махнул головой в сторону сада и, убедившись, что молодой слуга верно его понял, поспешил вновь укрыться в тени старых лип и кленов.

Хирга подоспел тут же. Он и впрямь по всем приметам сильно походил на вартау. Эти черноглазые смуглые люди из южных земель иногда появлялись в Золотой, но нечасто. Очень уж далека была дорога от их родины до Закатного Края.

– Господин Патрик! Что-то случилось?

– Мне нужна твоя помощь. – Шут пристально взгляделся в лицо мальчишки. Сколько ему? Двенадцать? Чуть больше? Если поймают – мало не покажется. Выпорют как взрослого и выкинут из дворца. Это в лучшем случае... – Ты хорошо знаешь конюшню?

Хирга кивнул. Остролицый, невысокий, худой, как бездомная кошка. Сразу видно, что не с кухни.

– Каждую лошадку, господин, – он заправил за ухо непослушную черную прядь.

– Тогда слушай! Сможешь увести двух коней? Не самых лучших, простых, но надежных. Таких, чтобы скоро не хватились.

– Пожалуй, смогу. А куда?

«Куда... Он даже не спросил – зачем!.. – Шут прикрыл глаза и изо всех сил прислушался к тому неведомому чувству, что всегда было его верным стражем. Ощущение тревоги билось где-то под теменем, но рядом с мальчиком оно не становилось сильнее. – Я должен довериться ему...»

Он глубоко вздохнул.

– Знаешь Забытый сад?

– А то!

– Приведи их к усыпальнице Безымянного Короля и спрячь хорошенько. Я посвещу трижды птицей-крадуном, а ты мне ответь...

– Кукушкой могу!

– Хорошо! Кукушкой. Два раза. Потом еще два. И... если поймают – скажи, что это я попросил. Захотел покататься с другом. Друг ко мне приехал. Понял?

– Понял, – Хирга глядел серьезно, хмурил тонкие угольные брови. Ничего не спрашивал. Шут положил ему руку на плечо и тихонько стиснул.

– Не подведи меня, ладно? Ты после поймешь, какое большое дело сделал... – Плечо под тонкой курточкой было теплое и совсем еще по-ребячьи тонкое.

Хирга кивнул.

– Когда привести?

– Сейчас. И жди меня до рассвета. Если не приду – возвращайся. И вот еще... – Шут скинул с плеча дорожный мешок. Не хотелось с ним расставаться, но с собой брать нельзя. – Постереги мое добро. Не забудь. В саду отдашь.

Обратно Шут бежал так, что едва не упал, зацепившись ногой о толстый корень и больно ушибив большой палец. Он с трудом удержал равновесие и, помянув всех демонов, захромал дальше.

«Что ж, теперь и изображать ничего не придется», – он криво усмехнулся, стараясь не обращать внимания на боль.

В свою комнату Шут забирался тем же путем – по стене, цепляясь ловкими пальцами за выщерблины в каменной кладке. На этот раз получалось медленней, чем обычно: он почти не мог опираться на ушибленную правую ногу. Задерживаться у себя Шут не стал. Коридор за дверью встретил его темнотой, слуги почему-то не зажгли свечи в настенных канделябрах, и только у лестницы были видны яркие отсветы с нижнего этажа. Оттуда на весь дворец разносились звуки праздничного веселья. Поднимаясь к королевским апартаментам, Шут вспомнил о том, как ждал эту первую осеннюю ночь... Теперь недавние заботы казались ему смешной суетой.

Когда он подошел ко входу в апартаменты, незнакомый воин в странном наряде из черной кожи грубо велел ему возвращаться к пиршеству и не беспокоить королеву. Говор у него был странный, не местный.

«Тайкур, – понял Шут, разглядывая украшенную шрамами физиономию, бритую макушку, две тонкие косицы вдоль ушей и хищные пальцы, любовно ласкающие не привычную, положенную страже алебарду, а рукоять длинной изогнутой сабли, которая – пока еще – дремала в ножнах. – Мимо такого не проскользнешь...»

– Но Его Величество велел зайти к ней... – Шут изобразил гримасу идиота на лице, выражая крайнюю растерянность и страх перед мнимым наказанием за невыполнение приказа.

– Поди прочь, убогий, – тайкурский воин смотрел на него с презрением.

Тогда Шут сделал то единственное, что мог в данной ситуации: брякнулся перед чужаком на пол и закатил истерику. Любая придворная дама, будь она рядом, застыла бы в восхищении: Шут кричал, что его не ценят, не любят, смеются над ним, говорят «не велено», хотя сам король велел. Что кара небесная падет на злого человека, который обижает дурака. Что и так-то натерпелся от этой королевы, вздорной бабы, а теперь ему еще больше влетит за невозможность развеселить ее, хотя все вокруг сегодня вон какие упитые и радостные. Он надрывно всхлипывал и колотил ладонью об пол, призывая богов в свидетели ужасной человеческой несправедливости.

Тайкурский воин смотрел на Шута, вытаращив глаза. Такого ему еще видывать не приходилось, да Шут и сам понимал, что на сей раз превзошел самого себя. Дабы окончательно вывести чужака из равновесия, он ткнул его в ноги головой, обхватил эти здоровые лапищи в грубых вонючих сапогах и стал обещать «все, что угодно господину», лишь бы только тот позволил несчастному дураку отработать свой кусок хлеба в этот дивный праздничный вечер и уйти, запереться, наконец, на кухне с поварихой.

Измученный до потери речи тайкур лишь рукой махнул и оторопело сделал шаг в сторону от двери:

– Да иди, блаженной! – он глядел на Шута со смесью отвращения и ужаса.

Ликуя в глубине души, Шут быстро захромал в сторону королевской спальни.

Элея сидела в высоком кресле у камина. Обхватив ноги и положив голову на колени, она грустно глядела сквозь огонь. Шут никогда не видел королеву такой: на ней было простое темное платье с вышивкой без единого драгоценного камешка, а длинные волосы свободно рассыпались по плечам, золотясь в свете пламени. Элея не заметила, как Шут возник на пороге комнаты, и вздрогнула от неожиданности, когда он обратился к ней.

– Добрый вечер, Ваше Величество! Простите, но я осмелюсь нарушить ваш покой. – Шут не стал тратить время на долгие почтительные беседы. Он прикрыл за собой дверь и подошел к королеве. – Вы попали в заговор, Руальд не отпустит вас домой. Надо уходить. Прямо сейчас.

– Уходить? Куда? Ты в своем ли уме, Пат? – глядя на него недоуменно, Элея опустила ноги на пол, намереваясь встать. Да, конечно... Шут не имел права заходить в эту комнату без разрешения. Ее Величество вовсе не желали, чтобы кто-либо видел ее вот такой – не хладнокровной сдержанной королевой, а обычной усталой женщиной, девочкой с потерянными взглядом. Она выглядела совсем измученной и слишком измученной, чтобы идти куда-то, а уж тем более бежать.

– Доверьтесь мне! – с отчаянием взмолился Шут. – Пожалуйста! Я знаю, что делаю. И поспешите, у нас совсем нет времени!

Элея смешалась. Она была натянута, как струна, но все еще сидела на прежнем месте – вместо того, чтобы собираться.

– Но в чем дело? Что мне грозит? Ты полагаешь, Руальд решил упрятать меня в темницу? Казнить прилюдно? Это глупо, Пат!

– Монастырь! – Шут терял терпение от ее упрямства. – Монастырь святой Ниены, вот что! Вы не вернетесь на Белые Острова! И королевой вам больше не бывать! Ни королевой, ни принцессой! Никем, кроме монахини с чужим именем!

– Ты так уверен в этом? – голос Элеи прозвучал совсем тихо. Она по-прежнему колебалась, но уже поднялась с кресла и сердито смотрела на Шута. Сердито и растеряннo. И потирала кончиками пальцев виски... Да, он совсем забыл, что королева стараниями дорогого супруга в этот вечер нездорова.

– Уверен, – Шут решил не углубляться в объяснения. Вместо этого спросил: – Отчего вы не вызвали лекаря?

Королева устало махнула рукой:

– Вильяр был здесь. Он дал мне каких-то трав... Не важно. Пат, если это сказал Руальд, то он мог и солгать. Просто чтобы я сама сбежала и облегчила его задачу освободить место для новой королевы...

– Да зачем?! – Шут лишился терпения окончательно. – Ведь вы уже завтра могли бы выехать домой! – Решимость накатила упругой волной. – Ну хватит! Идем! Нет больше времени ждать! – Забыв о правилах этикета, Шут схватил Элею за руку. – Быстро! Здесь есть что-то ценное, что нужно взять с собой?

– Я не знаю... – королева выглядела совершенно растерянной.

– Решайте же!

– Не думаю, Пат... Полагаю, теперь все мои наряды достанутся ей...

– Ага, – поддакнул Шут. – И корона тоже. А нам бы с вами головы сохранить.

– Право, не знаю... Нам ведь еще понадобятся лошади.

– Лошади будут. Должны быть. – Шут метнулся в соседнюю комнату – к гардеробу, который оказался так велик, что впору заблудиться. К счастью, он быстро отыскал два плаща видом попроще и сапоги для верховых прогулок. Когда королева надела их, он запер обе двери в опочивальню и навалился плечом на комод.

– Тайный ход? Я не знала о нем, – Элея осторожно заглянула в темный проем.

– Я тоже! До недавнего времени. – Шут снял со стены канделябр с горящими свечами и, пригнувшись, шагнул в темноту. – Скорее же!

Когда Элея, подняв подол платья, вошла следом, он вручил ей свечи и, ухватившись за край комода, попытался изнутри придвинуть его обратно к стене. Поминая демонов, он тянул изо всех сил, пока деревянная махина не прикрыла дверцу почти целиком. Добившись этого, Шут закрыл ее и запер изнутри. Сердце бешено стучало в висках, а руки дрожали, но на душе стало легче: они наверняка успеют покинуть город до того, как Руальд хватится и объявит погоню. Шут весьма смутно представлял их дальнейший путь, но наверняка знал: королеву нужно скорейшим образом доставить к родным Белым Островам, где она окажется в безопасности.

– Патрик, ты был здесь раньше? – ее напряженный голос глухим эхом отразился от каменных плит тоннеля.

– Один раз. – Короткая передышка закончилась. Шут отлепился от стены и взял у Элеи канделябр. Освещая дорогу, он двинулся вперед.

– А что если это ловушка?

– Не думаю.

Больше вопросов не было, до самого выхода они шли молча. Шут понимал, что королеве страшно, но не знал, как утешить ее и ободрить. Любые слова казались глупыми. Не так уж давно она въехала в город на белом коне под восторженные крики толпы, а сегодня покидает его в темноте подземелья и единственный ее спутник – нелепый безродный шут...

Когда до выхода оставалось лишь несколько шагов, он тихо охнул и присел, как от внезапного удара под дых – это стремительно и всепоглощающе накатило вдруг чувство опасности. Оно было так сильно, что на какое-то время Шут перестал дышать и слышал только дерганные удары своего сердца. Пришлось сесть на пол, обхватить голову руками и немного подождать, прежде чем тело снова стало ему подвластно. Шут медленно распрямился и уставился на дверь, поблескивающую в темноте отсветами огня на железных петлях. Он не понимал, что произошло. Но идти дальше было нельзя. Никак.

И обратно нельзя тоже.

Элея смотрела на него с тревогой, пламя свечей делало ее лицо живой маской страха. Шут поднял руку и осторожно приложил палец ко рту.

«Тихо», – прошептал он одними губами. И скользнул к двери.

Ни звука.

Но если там засада, то они и не должны услышать ничего. В пору было отчаяться и опустить руки. Но Шут знал еще один выход...

Он улыбнулся королеве, глубоко вдохнул и сделал то, чего делать было нельзя.

Шут закрыл глаза и открыл их *по-другому*.

Это было подобно тому, как если бы он распахнул их глубоко под водой. Или став птицей. Или же вовсе оказался лишен тела... Дала запрещала ему так делать, потому что, глядя на мир этим другим взглядом, ничего не стоило потерять себя.

Все вокруг было таким, как и прежде, но в то же время совсем иным. Камни светились, стены пульсировали в такт дыханию, и оказалось совсем нетрудно разглядеть то, что прежде скрывалось за ними.

Небольшой конный отряд под сенью старых кленов. Нетерпение и охотничий азарт. Потные ладони на рукоятках мечей. Желание поймать. Желание убить. Убить его... того, кто увел королеву.

Шут мог потрогать это желание и ощутить его запах – тошнотворный запах крови, закипающей на остром лезвии...

Нет!

Нельзя думать об этом. Иначе унесет.

«Вот он, довесочек к посланию... – застучали мысли в голове у Шута. – Вот она – цена. Все-таки ловушка. Только как же так вышло, что я почуял ее лишь сейчас?»

Это и впрямь было странно. Как будто решение о засаде было принято совсем недавно. Может, поэтому его так колотило, начиная с того момента, как он оказался в королевской спальне?

Поздно гадать. Поздно корить себя за глупость. Нужно искать другой выход.

Шут почувствовал, как натягиваются невидимые нити его внутренних сил, когда он повел глазами, оглядываясь вокруг... и вглубь. Да, лабиринт оказался огромен, он имел десятки дверей в самых неожиданных местах. Вот та, что в королевской опочивальне. Другая – за парчовой занавесью в незнакомой комнате. В винном погребе дворца. Над тронным залом... нет, это только оконце. В отхожем месте... забавно. Библиотека... кто бы мог подумать. Все не то...

Шут чувствовал, что надолго его видения не хватит – скоро ниточки оборвутся и мир станет прежним.

Вдруг запах смерти стал слабеть. Шут метнулся взглядом – всем своим существом – обратно в сад и увидел, как всадники молча разворачиваются и уезжают: один за другим все они покидали место засады.

Разочарование. Обида. Приказ уходить.

Шут не понимал. Но это было не важно. Когда последний пахнувший ловушкой всадник исчез за пределами сада, чувство тревоги разом оборвалось. Как тетива, сдернутая с согнутого лука.

Он сделал еще один глубокий вдох. Закрыв глаза. Резкий выдох – и Шут распахнул их в каменном лабиринте. Сердце гулко стучало в груди, собственное дыхание показалось ему странно горячим. Мысли стали подобны редким облакам на небе, он почувствовал, что может не думать ни о чем, это не составляло никакого труда и было приятно. Но Шут не мог позволить себе такую роскошь: нужно было не только думать, но и принимать решения. Он обернулся к королеве, чтобы сказать, что все уже в порядке.

Элея смотрела на Шута, как на демона во плоти.

Он отомкнул замок, медленно приоткрыл тяжелую деревянную створку и выскользнул наружу. Ветер разогнал тучи с неба, и в бледном свете звезд, заглядывающих в окна под крышей, Шут убедился, что всадники покинули сад.

Вернувшись в тоннель, он понял по учащенному прерывистому дыханию королевы, что заставил ее ждать слишком долго. Элея была напугана. И, может быть, даже решила, будто он ее бросил. Эта мысль Шуту не понравилась. Он бережно взял королеву за руку и повел к выходу из склепа. Неожиданно она стиснула его ладонь своими тонкими холодными пальцами.

– Я думала, с тобой что-то случилось... Патрик... зачем ты ввязался в это?

Вопрос был глупый, и Шут не стал на него отвечать.

Вместо этого он тихо свистнул условленным сигналом. Несколько ударов сердца – тишина. Шут закусил губу. В каменном лабиринте его силы хватило только на то, чтобы увидеть засаду, про мальчишку он совсем забыл... Когда в следующий миг Шут услышал, как в кустах отозвалась кукушка, то почувствовал себя самым счастливым человеком в мире. Хирга, крадучись, выглянул из-за дерева.

– Господин Патрик! Я уж думал вам того... конец... – он смотрел на Шута со смесью страха и смешного детского восторга. Королеву, укрытую плащом, слуга не признал.

«Он полагает, это все – забавы...» – с тоской подумал Шут и спросил без предисловий, пряча тревогу, что так и норовила наполнить голос дрожью:

– Ты видел этих людей?

– Ну... – мальчик зябко повел плечами.

– Что – ну? Кто это был?!

– Я слышал, они поминали имя принца... когда уходили.

«Тодрик! Все-таки Тодрик... Ах, каналья, откуда же он узнал про ход? Или это по его поручению старик послал мне записку с ключом? Но зачем?»

– Почему они ушли? – Шут ничего не понимал и смотрел на Хиргу так пристально, точно хотел увидеть все произошедшее в его глазах.

– Я не знаю. Кто-то прискакал. Я слышал, отдали приказ уходить. Не видел, кто...

– Ясно... – ничего ему не было ясно.

– Я сейчас! – Хирга метнулся обратно в густые заросли старого сада и спустя минуту вернулся, ведя за собой... трех лошадей.

– Парень, ты не ошибся при счете? – Шут глядел на животных, а мальчуган во все глаза – на королеву, которая сняла капюшон плаща.

– Нет, господин, – он перевел взгляд на Шута. Замялся, открыл рот, потом закрыл и, наконец, выдал: – Пожалуйста, возьмите меня с собой!

– Хирга!.. Да ты... ты хоть понимаешь, что тебе грозит с нами?! – Шут вовсе не собиравшись нянчиться с мальчишкой, которому происходящее, похоже, виделось просто занятным приключением.

– Ну... – слуга глядел в сторону, теребя подол старенькой суконной куртки. Ответил он не совсем то, что ожидал Шут: – За конокрадство меня того... повесят.

– Кто же тебя повесит?! – изумился Шут. – Ты еще ребенок и выполнял волю господина. – Он много в чем сомневался, но знал наверняка, что Золотая – это не то место, где вешают глупых мальчишек.

– Может и так, – вздохнул Хирга, не поднимая головы, – да только мне назад все одно ходу нет.

Внезапно заговорила королева.

– Дитя, ты должен вернуться. Если сам не проговоришься, тебя не уличат в краже. А твоя матушка огорчится, когда узнает о твоей пропаже.

– Я сирота, Ваше Величество... – он опустил голову еще ниже. – И... и... вам ведь понадобится слуга в пути...

Жалобно закричала птица. Кони переступали ногами и фыркали, звеня сбруями.

Шут со вздохом прикрыл глаза. Сирота... Он слишком хорошо знал, что стоит за этим словом.

– Ладно, – решил он. – Королеве действительно нужны слуги. Тебе хоть известно, что входит в их обязанности? – Шут забрал у Хирги свой дорожный мешок и поводья самой смысленной на вид кобылы. Он придержал ее стремя, пока Элея, путаясь в юбках платья, забиралась наверх. Седло было обычное, и королеве пришлось сесть по-мужски. К счастью, юбки эти были достаточно длинны и широки, чтобы прикрыть ноги, как положено даме.

– Я... я... Да! Я все умею! Чинить одежду, прислуживать за столом, мыть, ухаживать за лошадами... и... и...

– Садись. – Шут легко вскочил на своего коня и тронул его бока пятками. – Нам пора!

15

Они покинули столицу через южные ворота. От быстрой скачки ветер свистел в ушах – ветер, принесший опьяняющие запахи ночной дороги взамен привычной городской вони. Ветер, дарящий свободу и радость. Шут с удивлением понял, что почти не грустит о покинутом дворце.

«Прощай, Золотая Гавань, – думал он, – прощай! И подари нам удачу напоследок!»

Еще в каменном лабиринте он решил, что не стоит пытаться найти корабль в городе. Исчезнуть из Золотой нужно немедленно, а в праздничную ночь ни один капитан не сумеет собрать свою команду. Шут выбрал другой путь. В полудне дороги от столицы, в том же заливе находился небольшой, но оживленный городок Каменный Улей. Шут сам не видел, но по рас-

сказам знал, что с моря город действительно выглядит как пчелиное гнездо, прилепившееся ко склону холма. В Улье по большей части швартовались торговые суда, хозяева которых не имели достаточно средств на оплату стоянки в Золотой. Шут был в этом городке несколько лет назад проездом, тогда Улей показался ему излишне шумным, точно один большой рынок. По сути, так оно и было, но на сей раз это лишь радовало: в пестрой разнонародной толпе легче затеряться.

Он скакал впереди, за ним, почти вровень, – королева. Элея отлично держалась в седле. Ветер растрепал длинную косу, которую она наскоро заплела в саду. Глаза королевы сверкали – ночная скачка освежила и ее. Хирга замыкал их маленький отряд. Он всю дорогу оставался слегка позади, стараясь не попадаться лишний раз на глаза: мальчишка все еще опасался, что его могут отослать назад. Наездник из него был не ахти, но Шут видел – дело тут не в природной неловкости: Хирге, который вслепую мог отличить хорошую лошадь от плохой, просто не доставало опыта. Конечно, откуда у маленького слуги, да еще и сироты, появится возможность обучиться верховой езде? Его дело – чистить, мыть и отмерять корм. Судя по всему, до прихода во дворец черноглазый парнишка и вовсе видел лошадей только со стороны. Сам Шут впервые сел в седло, когда ему не было и семи лет, а уже в восемь на ходу жонглировал тремя шарами, сидя задом наперед. Шары, правда, частенько падали, но только не сам Шут.

Дорога была хорошая – все-таки главный королевский тракт, – и они надеялись добраться до города к утру. Однако чем ближе становился рассвет, тем чаще королева ослабляла поводья, позволяя своей кобыле замедлить шаг: усталость брала свое. Хирга тоже не выглядел счастливым, он то и дело привставал в стременах, чтобы дать отдых отбитому седлалищу. В какой-то момент, глядя на них, Шут даже подумал, не устроить ли небольшой привал, но быстро отказался от этой мысли: до Улья оставалось всего ничего, а погоню могли снарядить в любой момент. Скорее всего, Руальд уже хватился пропажи, и его гвардейцы рыщут по всей Золотой.

И они продолжали путь. Мимо спящих деревушек, мимо одиноких придорожных харчевен, а потом долгое время – вдоль леса. Он тянулся по левую руку, а по правую расстилались бесконечные, уже почти скошенные луга. Шут тоже устал, но ему еще хватало сил радоваться чудесному запаху трав, что до краев наполнил по-осеннему прохладный ночной воздух, редким возгласам ночных птиц и сильному надежному движению своего коня. Он уже совсем забыл, когда последний раз испытывал такое удовольствие от прогулки верхом.

Город показался вдаль, когда солнце озолотило верхушки деревьев. Тракт, идущий вдоль леса, вильнул, и впереди, справа от всадников, распахнулось море. Малая гавань, полная кораблей. Каменный Улей не имел защитной стены, и вскоре они оказались в лабиринте узких улиц, круто взбирающихся вдоль горного склона. Шут услышал за спиной вздох облегчения. Он обернулся и подбодрил своих спутников улыбкой:

– Скоро отдохнем! Здесь много постоялых дворов.

Прежде, чем двинуться дальше, он осмотрел край рукава, думая, как отодрать слишком яркие манжеты с бубенцами. Каково же было его удивление, когда на месте прочных швов обнаружили крошечные пуговицы. Шут просто отстегнул манжеты, а следом – точно так же – воротник и пестрый подол куртки. Остроклостую алую шапку с бубенцами он снял еще в каменном лабиринте, а приметные волосы укрыл под капюшоном плаща и теперь походил на обычного мелкопоместного дворянина. Королева лишь головой качнула, дивясь такой внезапной перемене. Сама она ничем не отличалась от обычной дворянской жены.

Когда копыта лошадей уверенно зацокали по каменным улицам города, Элея немного ожила, заглядывалась по сторонам. Посмотреть и впрямь было на что: невзирая на ранний час, в Улье кипела жизнь. Кричали зазывалы, нахваливая товары в своих лавках, сновали по улицам мальчишки-разносчики, громыхали мимо тяжело нагруженные телеги. В основном их тащили коротконогие лошадки, будто специально созданные природой для таких городов, как Улей, где

на две ровных улицы приходится пяток крутых тропинок, гордо называемых «восходящими переулками». Шут слышал, что самые дорогие амбары и склады находятся в нижней части города, куда не нужно подниматься по полчаса, понукая лошадей и переживая за прочность тележных осей.

Люди из дальних краев частенько возмущались: зачем нужно было строить портовый город в таком неудобном месте. Причина же была проста: когда-то давно залив почти целиком принадлежал сопредельному государству Сурай, обладавшему в ту пору большой мощью. И лишь самый краешек прибрежной земли отхватил дерзкий король Иверн, дальний предок Руальда. Иверн знал, что Закатному Краю нужен порт, и велел построить город на склоне холма. Тем более что небольшое поселение там уже имелось. Король нанял умных зодчих, и те распланировали улицы наиболее удобным образом: приливы не касались даже самых нижних кварталов, а узкие лабиринты внутренних переулков, где находились склады, служили надежной защитой от внезапных вторжений соседей-сурайцев, охочих до легкой добычи. Улей не нуждался в охранной стене, он сам по себе был преградой ретивым захватчикам. Даже кухарки могли стоять на защите своих стен, крутым кипятком поливая из окон воинов неприятеля. В узких улицах трудно нападать, зато удобно держать оборону. Каменный Улей стал обидной занозой в зад у сурайского короля, занозой, которую он не смог вовремя вытащить. Выход к морю открыл Закатному Краю небывалые до того возможности: королевство за пару веков окрепло и возросло многократно, отбросив, в конце концов, жителей Сурая далеко за границы их родины (а после они и вовсе исчезли как отдельное государство). Залив был покорен Крылатым тронем, король Дан основал Золотую Гавань, а Улей остался запасным портом. Но его не коснулась судьба медленно нищающих городов на задворках королевства. Прекрасный порт Золотой стал парадными воротами, а Улей – очень полезным черным ходом, где во множестве имелись блудные дома, многочисленные постоялые дворы, винные лавки, игорные заведения. Улей был самым злачным городом королевства, не лишенным притом своей особой красоты и очарования.

Следом за королевой Шут и сам засмотрелся на необычный быт местных жителей: бельевые веревки, натянутые между окнами соседних домов в переулке... стайку детей, одетых в живописнейшие разноцветные лохмотья... подъемные платформы, на которых за плату можно было доставить товар к верхним уровням города или прокатиться самому, любуясь на Улей с высоты. Шуту вдруг страстно захотелось узнать, сколько стоит такой проезд, но он лишь вздохнул и направил своего уставшего гнедого жеребца напрямиком к центральной площади. Он знал, что именно возле нее сосредоточены самые приличные постоялые дворы.

16

Заведение называлось «Дубовый корень». Этот постоялый двор уютно примостился в полуквартале от площади, из верхних окон открывался вид на море, а на нижнем этаже, как водится, имелась харчевня. Оставив королеву приводить себя в порядок, Шут стремительно спустился вниз и велел подать завтрак в комнату.

Народу в зале было немного: кто-то уже давно проснулся и ушел по делам, другие, наоборот, отсыпались после ночных гуляний. Впрочем, в Улье праздник Начала Осени не имел такого размаха, как в Золотой: здесь предпочитали более поздний Праздник урожая. Жизнь кипела, дела делались. Задерживаться в харчевне Шут не собирался – времени не было.

– Сиди тут пока, – сказал он Хирге, – слушай, о чем люди говорят. Как завтрак наверх понесут, ступай к королеве. За столом прислуживать умеешь?

– Немного... А вы что же?

– А я – в порт! – Шут расплатился с хозяином за еду и, оставив мальчишку глазеть на чужестранцев у соседних столов, быстро спустился по узким улочкам к причалу. Шел он пешком: лошади слишком устали, чтобы снова седлать их.

Кораблей было много, бок о бок они покачивались на волнах, скрипя швартовыми, и казались живыми. Шут закрутил головой, ища к кому обратиться с вопросом. Людей вокруг хватало, но все выглядели такими занятыми, что не подступишься. Шут прошел мимо хмурых грузчиков, крикливых торговков пирожками, детей, играющих в убегалки, и деловитых моряков из разных стран. Одни были смуглы, точно орех, другие красили бороды в яркие цвета, третьи походили на сказочных воителей, а четвертые вызывали оторопь уродливыми чертами лиц. Но все моряки имели неуловимую схожесть, как разные фигуры с одной игровой доски. На Шута они внимания не обращали, зато к нему вдруг подскочила вертлявая девчонка с длинными тощими косицами и шустрими, точно два мышонка, глазами.

– Господин, господин, купите креветок! Свежие, сегодня наловили! Только понюхайте, как пахнут! – Запах от креветок, запеченных над углями и нанизанных на тонкие деревянные прутики, и впрямь был такой, что у голодного Шута громко заурчало в животе. Девчонка прыснула в кулак и выбрала из лотка палочку с самыми крупными. – Возьмите, не пожалеете! Всего пятнадцать «подков».

Медяков у Шута не было, он достал из кошелька серебряного «всадника».

– Сдачу имеешь? – Девчонка засопела, запустив руки поглубже в торбу на боку. И с грустной мордашкой вытащила оттуда лишь несколько медных «подковок». – Ну ладно, – решил Шут, – я отдам тебе монету целиком, если покажешь мне корабль, который идет к Белым Островам.

Это, конечно, было слишком щедро, но ему вдруг захотелось задобрить судьбу, да и девчонка понравилась... Чем-то она походила на Вейку, старшую дочку Далы.

– А не брешете? – по настороженным глазам юной разносчицы Шут увидел, как борются в ней два чувства – страх быть обманутой и желание разом заработать столько, сколько она обычно выручала за неделю.

– Зуб даю, – Шут ловко ухватил прутик с креветками и жадно вцепился в самую аппетитную. – Ну, веди же!

Возле одного из кораблей тощие косицы мелькнули за чьей-то спиной и исчезли. Пока Шут, хмурясь, озирался по сторонам, отыскивая креветочницу, к нему подошел высокий бородач в дорогом ярко-синем камзоле нараспашку. С пояса у него свисала диковинная заморская сабля, а голова была по-матросски обвязана пестрой косынкой.

– Это ты, что ли, на Белые Острова собрался? – прищуренные зеленые глаза под кустистыми бровями скользнули по Шуту так, словно он здесь сам был на продажу. Из-за спины бородастого выглянула давешняя девчонка и знаками дала понять: этот хмурый тип – именно то, что искал господин.

– Ну я, – Шут ответил бородатому не менее дерзким взглядом.

– Меня зовут капитаном Улиткой, – бородач широко ухмыльнулся. – И я дорого возьму за место на судне. Среди этих шлепунов ты сейчас не найдешь больше никого, кто согласится плыть на Острова.

Шут удивился.

– Почему?

– Не местный. Сразу видно. Во-о-он в той башенке, – капитан кивнул куда-то на верхние ярусы Улья, – напорочили нам крепкий шторм, парень. И теперь все сидят, прижав хвосты, надеются переждать.

– А ты чего же не следуешь советам ведунов? – Шут не раз слышал про штормовых прорицателей, живущих в монастыре над городом. Если верить молве, они редко ошибались в своих предсказаниях.

– Недосуг мне сидеть лягушкой в крынке! Товар не таков, чтобы ждать. Да и погода теперь до зимы будет чудовать, еще пара-тройка недель – и такая начнется свистопляска, что

даже я не рискну выйти в море. Так что отчаливаю сегодня. Если кишка не тонка – милости просим!

Шуту вовсе не улыбалось попасть в шторм, тем более подвергать такому риску королеву. Но и оставаться было нельзя. Он уже чувствовал, как захлестывает Руальда гнев и как спешат во все концы его соглядатаи. Ищут, ищут... Шут тряхнул головой, чтобы отогнать мрачное видение. Капитан, конечно же, принял это на свой счет.

– Что? Денег жалко? Или боишься?

Шут пожал плечами.

– Боюсь. За жену. Она у меня на сносях, – врать во дворце приходилось часто, так что делал он это виртуозно и даже не задумываясь.

Капитан поскреб бороду:

– «Болтунья» – хороший корабль. И команда у меня слаженная. А сам я слышу везунчиком. Впрочем, решай сам. Мы выходим через пару часов. Ждать не буду.

Решать тут было нечего. Шут вытащил кошель с монетами и отсчитал, не торгуясь, нужное число золотых. Он чувствовал, как тревога кусает за пятки, заставляя сердце биться все чаще. На раздумья времени не было.

17

Подъезжая к постоялому двору, Шут увидел возле дверей скопление народа. В груди точно огнем полыхнуло, но когда он приблизился, то выдохнул с облегчением: оказалось, какой-то незадачливый малый уронил на мостовую крынку с цыпльями. Резвые птенцы брызнули во все стороны, и теперь парень пытался собрать их в подол фартука, потому что крынка разлетелась вдребезги. Однако, когда он нагнулся за одним цыпленком, другой вываливался обратно на мостовую. Люди вокруг икали от смеха, только одна сердобольная тетушка расшедрилась и вручила парню высокую корзину с непременным наказом вернуть.

Шуту было совсем не смешно. Утерев выступивший на висках пот, он метнулся к лестнице на второй этаж. Ступени громко скрипели под ногами, выдавая возраст заведения.

Элея встретила его с тревогой на лице. Хирга тоже выглядел взволнованным.

– Я нашел судно, – сказал Шут, на ходу скидывая плащ и доставая из походного мешка запасные штаны. – Уходим немедленно. Только прежде сыграем в одну игру... Я стану вами. А вы должны обернуться парнем, который ничем не похож на королеву. Снимайте свое платье, его надену я. Только быстро! Хирга, быстро иди седлай лошадей!

Не дожидаясь, пока Элея что-то скажет, Шут вручил ей штаны с курткой, подтолкнул Хиргу к двери и уже хотел сам выйти следом, когда услышал жалобный окрик:

– Патрик! Я не смогу расшнуровать его сзади...

Шут коротко зажмурился и закусил губу. Но колебаться и смущаться времени не оставалось. Он не был большим мастером по части дамских туалетов, но довольно споро сумел сделать то, что требовалось, а потом все же скользнул за дверь, позволив королеве переодеться без лишних глаз.

Она справилась быстро: спустя пару минут уже вышла в коридор, смущенно оправляя непривычный мужской наряд. Шут посмотрел на то, как куртка с плащом скрадывают женскую фигуру, и решил, что сойдет. Вот только волосы... слишком длинные.

Вернувшись в комнату, Элея попыталась спрятать косу под капюшоном, но сразу же стало ясно, что она наверняка выскользнет в самый неподходящий момент.

– Наверное, лучше обрезать, – сказал Шут с сожалением. – Я сбегаю за ножом.

Стремительно и тихо он умыкнул с кухни короткий тупой резак и вернулся обратно так быстро, что Элея удивленно ахнула.

– Давай это сделаешь ты... – попросила она тихо. – У меня рука не поднимается... Последний раз меня стригла мама, когда я приносила обет верности нашему народу...

Шут кивнул и одним движением укоротил косу, доходившую до пояса, на целый локоть. Теперь ее без труда можно было укрыть под плащом.

– Как легко... – промолвила Элея, осторожно проводя рукой по голове. – Даже приятно... Что ж, все к лучшему: у меня теперь нет служанок, чтобы мыть и чесать такую гриву.

– Ага, – сказал Шут, а про себя подумал: «Зато у новой "королевы" будут волосы что надо!» С помощью Элеи он споро надел платье, а косу прицепил под капюшоном так, чтобы она свисала спереди и сразу же бросалась в глаза. В опасной ситуации это позволит отвлечь внимание на себя.

Уходили они тихо, через черный ход в задней части гостиницы, который вел напрямик к конюшням. Хирга уже выводил лошадей, и те тревожно фыркали – им передалось волнение людей.

В мужском костюме Элея с легкостью оседлала свою кобылу, Шут же, напротив, изрядно повозился, прежде чем смог управиться с многочисленными юбками королевского платья. «И как дамы их носят, – думал он, расправляя подол, чтобы не было штанов под ним. – Это же с ума сойти – всю жизнь таскать на себе столько лишних тряпок!» Вдобавок платье было ему порядком узко в плечах и груди, едва вдохнешь в таком.

С постоянного двора вышли цепочкой: сначала Шут, потом королева, Хирга замыкал их маленький отряд. Когда до причала осталось миновать лишь пару домов в переулке, Шут знаком велел своим спутникам остановиться. Поманил к себе Хиргу.

– Оставь лошадь здесь и ступай вперед, – велел он шепотом, – тебя никто не знает. Проверь все ли спокойно, нет ли засады... – Шут проводил мальчика глазами, пока тот не исчез за поворотом, затем перевел взгляд на королеву. Элея была бледна, но держалась решительно. Упрямо сжала губы, высоко подняв голову. Перед самым выходом из комнаты на постоялом дворе Шут, блеснув своим балаганным опытом, основательно изменил лицо королевы: используя одну только каминную золу, превратил ее в хмурого южанина вроде Хирги. Нарисовал угольные брови и синяк под глазом, заострил скулы и подбородок. По его мнению, Элея выглядела великолепно, никто не признал бы в ней сейчас королеву.

– Ваше Величество... – негромко попросил он, – будет лучше, если вы перестанете сидеть так ровно и держать голову столь гордо... Это не свойственно простолюдинам... – Сам он, наоборот, постарался перенять осанку и манеры королевы: если им все же не повезет и у причала будет засада, никто не должен усомниться в том, что это один из всадников – Элея.

Время тянулось, точно налипшая на зуб карамель. Медленно и невыносимо. Шут успел проводить взглядом несколько крыс, перебежавших от дома к дому, и тощую кошку с отвисшими сосками, что кралась вдоль канавы.

Хирга возник, как всегда, неожиданно и вовсе не там, где его ждали: выскочил из какого-то темного переулка за спиной у Шута. Глаза – что две плоскости, полные страха.

– Они ждут! Господин Патрик, они там! Стражники! Много! – мальчик вцепился в сбрую своей пегой лошади, пытаясь унять дрожь в руках.

Шут сжал челюсти, так что желваки заходили на скулах.

Значит, все-таки погоня успела за ними...

– Сколько? Говори!

Но Хирга так переволновался, что едва мог совладать с собой.

– Ну... Там... Десять! Не меньше!..

– Точнее, болван! Подумай! Тебя учили считать или нет?! – Шут редко бранился, но им тоже овладел страх.

Мальчишка беззвучно задвигал губами, вспоминая.

– Восемь! Я насчитал восемь. Все того... при мечях... и один лучник. Стоят там у самого причала, где корабль, про который вы сказали, господин... – Постепенно Хирга взял себя в руки, и тихий голос его зазвучал ровнее. – Я... того... на него прошел, ну, как юнга... капитана

спросил... Он говорит, чхать хотел на стражу, не указ они ему, коли заплатим, как договорено было. Только он теперь еще сверху требует. За риск. Пять золотых... И сразу сходни поднимет. Мы спрячемся, а в матросов лучник не посмеет стрелять. Он местный, его потом того... на полоски порубают. Только... как мимо вам проскочить... не знаю...

Шут вздохнул поглубже и прикрыл глаза.

Хотелось прочесть какую-нибудь хорошую молитву, но все они вдруг позабылись, только песенка Далы крутилась в голове. Еще один глубокий вдох.

Не бояться. Не бояться!

Вдох. Выдох. Вдох. Выдох. Все. Пора.

Он снял с плеча свой мешок, протянул мальчишке.

– Тут деньги. Бери. Ты первый поскачешь. – Шут обернулся к Элее. – А вы, Ваше Величество, следом. Только быстро. Очень быстро. Стрелять они не будут, а задержать вас не успеют. Только не медлите на сходнях. Они попытаются загородить – скачите не глядя, умоляю вас! Отбегут, когда поймут, что вы не остановитесь.

Королева нахмурилась.

– Патрик, а ты?.. Что ты задумал?

– Да как и прежде решили, – Шут улыбнулся ей, скрутив страх в тугой жгут. – Прорываемся. Все будет хорошо! Хирга, пошел! – и он что было силы хлопнул обеих кобыл по крупам. А потом – спустя два удара сердца – рванул следом.

Выскочив на набережную, Шут сразу увидел этих стражников. Они стояли почти у самых мостков. Вернее, уже не стояли, а пытались последовать на корабль за королевой и мальчиком, что стремительным галопом ворвались на палубу «Болтуньи», не промедлив – хвала богам! – у сходней. Отскочившие в сторону от копыт лошадей, стражники уже ринулись на деревянный трап, выхватывая свои мечи, чтобы отпугнуть матросов, пытавшихся втащить сходни.

И тогда Шут завизжал.

Так громко и пронзительно, точно ему в штаны упала большая жирная мокрица. Стражники разом обернулись на этот истошный визг и сами взревели от радости:

– Да вот же она! Вот она! Держи! – Они забыли о паре «парней», уже скрывшихся в глубине корабля. Перед ними была королева.

А Шут стрелой летел через набережную и кричал дурным бабьим голосом:

– Отдавай концы! Отчаливай! Уходите! Уходите скорее! – Его уже окружили со всех сторон, кто-то схватил коня под уздцы, и гнедой, почуяв беду, отчаянно бил копытами, стараясь вырваться. Шут видел за спинами стражников, как медленно начал отходить от причала большой неповоротливый корабль капитана Улитки. Как несколько человек с оружием запоздало попытались остановить его... Увидел он и две фигурки на палубе, одна из них застыла у перил:

– Патрик! Пат... – А парусник, между тем, набирая скорость, все больше отдалялся от берега. Кому-то из матросов хватило ума увлечь королеву прочь с палубы, когда лучник на берегу уже натянул тетиву.

Шута стащили с коня, не грубо, но решительно. Заломили руки за спину. Стражники были незнакомые, не из королевской гвардии. Наверняка местные, ульевские. Но возглавлял их парень из тайкуров в традиционном черном наряде.

– Ишь ты! – бормотали вокруг Шута. – Бежать хотела!

– Да ты полегче! Королева все же!

– Какая она теперь королева...

– Пэм, куда ты веревку дел? Вяжи, да гляди не порань руки-то!

– Эй, братцы! Глянь, а чего руки-то такие странные?

– Ба! И впрямь! Да она ли это?

В следующий миг Шут лишился своего плаща вместе с косой. Треснуло по швам платье, раздираемое десятком рук.

– Это парень! Вот же ж демоны треклятые!!! А королева-то где?! – Восемь пар глаз уставились на него. И не было в этих глазах ничего хорошего... – Да кто ты такой?! А?!

Шут стоял среди разъяренных мужчин и глядел вслед уходящему кораблю... Кто-то толкнул его, другой стражник наотмашь ударил по лицу, разбив губу. Еще миг – и Шут оказался на земле, но преследователи королевы уже потеряли к нему интерес: поняв свою роковую ошибку, они бросились искать любое судно, чтобы плыть вдогонку настоящей Элее. Только один остался затянуть веревки на руках и ногах пленника. Невероятная суета захлестнула, казалось, всю набережную: кто-то кричал, кто-то бежал, искали капитанов, требовали отчалить немедленно. А Шуту – избитому и связанному королевскому дураку, лежащему с окровавленным лицом на холодных камнях набережной, – было спокойно, как в лоне матери. Он почему-то твердо знал, что никто не догонит его королеву.

Когда и стражники осознали это, когда они, отчаявшись найти поддержку среди моряков, вновь собрались вместе, Шут понял, что сейчас его будут бить. Нет, не до смерти, может даже не покалечат, но зло выместят хорошенько и без зубов оставят наверняка. Лежа лицом вниз и не в силах пошевелиться, он лишь молча смотрел на сапоги приближающихся стражников. Один из них пнул брошенные кучей обрывки платья. Другой в это время уже занес ногу, чтобы «приласкать» самого хозяина одежды – виновника всех проблем. Однако тайкурский воин остановил его жестом.

– Нет. Не надо. Что толку? Кости пусть палач пересчитает. Отвезем к королю. Может, это смягчит его гнев.

– Надо бы этого уродца к кобыле привязать и волоком в Золотую...

– Да? Потом сами будете за его башку отвечать? – Тайкур отвернулся от Шута и плюнул.

Ульевские все-таки попинали пленника немного, для острастки, но зубов не тронули. А он даже не пытался увернуться от тяжелых сапог, только закрывал лицо связанными руками.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.